

ФИЛЬМ, ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ К ПРОСМОТРУ В **2017** ГОДУ!

СКОРО ВЫПАДЕТ ПЕРВЫЙ СНЕГ
И НАЧНЕТСЯ ОПАСНАЯ ИГРА

Ю НЕСБЁ

С Н Е Г О В И К

ЧИТАЙТЕ КНИГУ!
СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!

Инспектор Харри Холе

Ю Несбё
Снеговик

«Азбука-Аттикус»

2007

Несбё Ю.

Снеговик / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Инспектор Харри Холе)

Поистине в первом снеге есть что-то колдовское. Он не только сводит любовников, заглушает звуки, удлиняет тени, скрывает следы. Годами в Норвегии в тот день, когда выпадает первый снег, бесследно исчезают замужние женщины. На этот раз Харри Холе сталкивается с серийным убийцей на своей родной земле, и постепенно их противостояние приобретает личный характер. Преступник, которому газеты дали прозвище Снеговик, будто дразнит старшего инспектора, шаг за шагом подбираясь к его близким...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	53
Часть вторая	61
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ю Несбё Снеговик

Часть первая

Глава 1

Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик

В тот день выпал снег. В одиннадцать утра огромные хлопья неожиданно повалили с бесцветного неба – будто вражеская армада из параллельного мира без боя захватила участки, садики и газоны Румерике. В два часа на Лиллестрём уже работали снегоуборочные машины, а когда в половине третьего Сара Квинесланн медленно и осторожно вела свою «тойоту-короллу» между виллами по улице Колловейен, на окрестных холмах пуховым одеялом лежал ноябрьский снег.

При свете дня дома казались ей незнакомыми, так что она даже проехала мимо въезда в его гараж. Сара резко затормозила, машина заскользила, и с заднего сиденья раздался вскрик. В зеркале показалась недовольная физиономия сына.

– Я недолго, дружок, – сказала она.

Перед гаражом на белом снегу чернел большой прямоугольник асфальта. Она догадалась, что тут был припаркован соседский автомобиль. У нее перехватило горло: только бы не опоздать!

– А кто здесь живет? – спросил мальчик.

– Да так, один знакомый, – ответила Сара и машинально поправила прическу, глядя в зеркало. – Меня не будет минут десять, дружок. Я оставлю ключи, если хочешь, послушай радио.

Не дожидаясь ответа, она вышла и засеменила в скользких туфлях к двери, через которую множество раз входила и выходила, но никогда вот так, среди бела дня, под любопытными взглядами из окон соседних коттеджей. Внутри дома, словно шмель в банке с вареньем, прожужжал звонок. С нарастающим отчаянием она ждала, поглядывая в ближайшее окно, в котором отражались черные голые яблони, серое небо и белые, будто залитые молоком, окрестности. Услышав наконец шаги за дверью, Сара с облегчением вздохнула и в следующее мгновение бросилась к нему в объятия.

– Не уезжай, любимый, – взмолилась она, еле сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

– Мне надо, – ответил он тоном, каким повторяют до смерти надоевший припев.

Его руки нащупывали знакомые тропы – тропы, по которым он никогда не уставал бродить.

– Нет, тебе не надо, – прошептала она ему на ухо. – Ты сам хочешь уехать. Тебе тут скучно.

– Ну уж с тобой-то мне не бывает скучно...

Она уловила в голосе недовольство, хотя его руки, сильные и мягкие, тем временем скользили по ее коже, вниз по пояснице, забираясь под юбку, в колготки. Он и Сара были как опытная пара танцоров, чувствующих малейшее движение друг друга, дыхание, ритм. Вначале белый прекрасный пламень – любовь. Затем черный – боль.

Его руки приподняли ее пальто, потянулись под толстой тканью к соскам. Он обожал ее соски, подолгу ласкал – может, оттого, что у него их вообще не было.

– Ты припарковалась перед гаражом? – спросил он и с силой ущипнул их.

Она кивнула и почувствовала, как боль будто выпустила ей в голову стрелу желания. Ее лоно распахнулось навстречу его пальцам, которые вот-вот окажутся там.

– Да. Мальчик ждет в машине.

Его руки замерли.

– Он ничего не знает, – простонала она, почувствовав, что его руки медлят.

– А твой муж? Он где?

– Где он может быть? На работе, конечно.

Теперь уже в ее голосе звучала досада. Потому что он впутал в разговор ее мужа, а она слова о нем не могла сказать не раздражаясь. А еще потому, что ее тело требовало его немедленно. Сара Квинесланн расстегнула молнию на его брюках.

– Не надо... – начал он и схватил ее за запястье. Но тут она сильно ударила его другой рукой.

Он изумленно посмотрел на нее, а на скуле уже расплывалось красное пятно. Она вцепилась в его густые черные волосы и притянула его лицо к своему.

– Тебе придется уехать, – прошептала она. – Но сначала тебе придется трахнуть меня, понятно?

Она чувствовала его дыхание на своем лице. Теперь его было не остановить. Она еще раз ударила его свободной рукой, и его член начал набухать в ее ладони.

Он все еще двигался резко и сильно, но она уже кончила. Она оцепенела, волшебство исчезло, напряжение спало, и к ней вновь подступило отчаяние. Ей его не хватало. Даже теперь, когда он был рядом, ей его не хватало. Не хватало всех этих лет, что она провела в тоске, всех слез, что выплакала, всех тех отчаянных поступков, которые он заставлял ее совершать. Не давая взамен ничего. Ничего абсолютно.

Стоя с закрытыми глазами у края кровати, он продолжал свое дело. Сара взглянула на его грудь. Она долго не могла привыкнуть, но потом ей даже стала нравиться эта абсолютно гладкая белая кожа, обтягивавшая грудные мышцы. Она напоминала ей древние статуи, у которых, в угоду всеобщей стыдливости, тоже не было сосков.

Его стоны становились все громче. Она знала, что он вот-вот кончит с яростным рычанием. Ей нравилось, когда он так рычал. И это вечно удивленное, охваченное экстазом, почти болезненно искаженное лицо – будто оргазм каждый раз превосходил самые смелые его ожидания. Теперь она просто дожидалась его финального рыка – прощального мычания в холодной коробке его спальни, где рябило от фотографий, гардин, ковров. Скоро он оденется и уедет на другой конец страны, туда, где, по его словам, он получил деловое предложение, от которого не мог отказаться. Зато вот от этого он сможет отказаться. От этого. И все равно будет рычать от наслаждения.

Она закрыла глаза. Но рычания не последовало. Он остановился.

– Что случилось? – Сара открыла глаза.

Его лицо было перекошено. Но не от наслаждения.

– Рожа, – прошептал он.

Она вся сжалась:

– Где?

– Там, за окном.

Окно располагалось у изголовья кровати, прямо над ее головой. Она выгнулась и почувствовала, как он, уже опавший, выскользнул из нее. Окно было слишком высоко, так

что лежа она не сумела ничего увидеть. И слишком высоко, чтобы кто-то мог заглянуть снаружи.

– Это было твое лицо, – произнесла она почти умоляющим тоном.

– Я тоже так сначала подумал, – отозвался он, продолжая смотреть в окно.

Сара встала на колени, взглянула. И там... там точно было чье-то лицо.

Она громко рассмеялась от облегчения. Лицо было белое, рот и глаза выложены черными камушками, подобранными, очевидно, на обочине дороги. А руки сделаны из яблоневых веток.

– Господи, – прошептала она, – да это же просто снеговик!

Смех перешел в слезы, она беспомощно разрыдалась и тут же почувствовала, как его руки обнимают ее.

– Мне пора, – всхлипнула она.

– Побудь еще немного, – попросил он.

И она побыла еще немного.

Подходя к гаражу, Сара бросила взгляд на часы: прошло уже почти сорок минут.

Он обещал позванивать время от времени – всегда был большой мастер по части обещаний, и теперь она была этому даже рада. Сквозь запотевшие стекла машины она разглядела смутно белевшее лицо мальчика, который уставился на нее с заднего сиденья. Она рванула дверь и, к своему удивлению, обнаружила, что та закрыта на замок. Сын открыл, только когда она постучалась.

Сара уселась за руль. Радио молчало, в салоне царил ледяной холод. Ключи лежали на пассажирском кресле. Она обернулась: ее мальчик был бледен, а нижняя губа у него дрожала.

– Случилось что-то ужасное? – спросила она.

– Да, – ответил он. – Я его видел.

В его голосе звучал тоненький, царапающий кожу страх, какого она не помнила с тех самых пор, когда он был совсем маленьким и сидел между ней и мужем на диване перед телевизором, закрывая ладошками глаза. А теперь у него ломался голос, он перестал обнимать ее на ночь, начал интересоваться автомобильными двигателями и девчонками. Однажды он сядет с одной из них в машину и тоже уедет от нее.

– Кого? – Сара вставила ключ в замок зажигания и повернула.

– Снеговика...

Двигатель молчал, и ее внезапно охватила паника. Как раз то, чего она боялась. Она повернула ключ еще раз, уставившись в лобовое стекло. Может, сел аккумулятор?

– А как он выглядел, снеговик-то? – Она выжимала до отказа газ и поворачивала ключ в замке с такой отчаянной силой, будто хотела его сломать.

Сын ответил, но его слова заглушил рев мотора – машина завелась.

Сара переключила передачу и резко сбросила сцепление, стремясь во что бы то ни стало поскорее убраться отсюда. Колеса забуксовали в свежевypавшем мягком снегу. Она добавила газу, но машина так и стояла на месте, только задние колеса заскользили вдоль обочины. Но тут покрышки добурились наконец до асфальта, машина рванулась вперед и выехала на дорогу.

– Папа нас ждет, – сказала Сара. – Поехали быстрее.

Она включила радио и выкрутила звук на полную, чтобы салон наполнился хоть какими-то звуками, кроме ее собственного голоса. Диктор новостей в сотый раз сообщил, что этой ночью Рональд Рейган обошел в президентской гонке Джимми Картера.

Мальчик снова что-то сказал, и она взглянула в зеркало.

– Что ты говоришь? – повысила она голос.

Он повторил, но она опять не расслышала, убрала звук и повела машину к главной дороге и реке, которые двумя траурными лентами пересекали окрестности. И вдруг вздрог-

нула, потому что сын перегнулся к ней между передними сиденьями. Его голос сухим шепотом засвистел прямо у ее уха, как будто он боялся, что их услышат:

– Мы умрем.

Глава 2

2 ноября 2004 года. День первый. Каменные глаза

Харри Холе вздрогнул и открыл глаза. Было холодно, а из темноты доносился голос, который его и разбудил. Он сообщал, что американский народ должен сегодня решить, просидит ли Джордж Уокер Буш еще четыре года в Белом доме. Ноябрь, подумал Харри, встать – еще темно, приходишь со службы – уже темно. Он откинул одеяло и опустил ноги на пол. Линолеум был обжигающе холодный. Не выключив радиобудильник, Харри пошел в ванную. Посмотрел в зеркало. И тут ноябрь: смятый, бледно-серый, сумрачный. Веки, как обычно, красные, поры на носу будто большие черные кратеры. Под светло-голубыми глазами, в которых плескался алкоголь, – мешки, но они исчезнут после того, как их обладатель получит горячую ванну, массаж жестким полотенцем и завтрак. По крайней мере, он на это надеялся. Интересно, каким станет его лицо, если он бросит работу? Разглядятся ли морщины, смягчится ли затравленное выражение лица, с которым он просыпается после ночи, полной кошмарных снов? А ведь у него чуть не каждая ночь такая! Харри довольно долго избегал зеркал, боялся в них заглядывать, но, покидая свою маленькую спартанскую квартиру на Софиес-гате (чтобы, миновав несколько улиц, превратиться в старшего инспектора отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло), все всматривался в лица людей, выискивая их боль, слабости, страхи, причины для самообмана. И пока рылся в нагромождениях их лжи, безуспешно старался понять, зачем он это делает. Для чего пытается разобраться в людях, которые сами даже не пробуют разобраться в себе. За острожной стеной их ненависти он слишком часто распознавал презрение.

Харри попытался рукой пригладить жесткую щетку своих коротко стриженных светлых волос, которая располагалась в ста девятнадцать сантиметров от замерзших ступней. Ключицы, обтянутые кожей, напоминали клещи. Закончив последнее дело, он много тренировался – кое-кто считал, что чересчур много. Помимо езды на велосипеде, он начал качаться в спортивном зале, находившемся в подвальном этаже здания Полицейского управления. Ему нравилась боль в мышцах, которая выжигала и вытесняла мысли. Но Сталлоне из него не вышло: он только худел, а мышечная масса не увеличивалась, мускулы залегли прослойкой между скелетом и кожей. Харри по-прежнему был широкоплеч – Ракель недаром называла его «атлет от природы», – но теперь все больше походил на освежеванного белого медведя (он как-то видел картинку: мускулистый, но поразительно худой хищный зверь). Так можно и вообще исчезнуть. Харри вздохнул. Ноябрь. Скоро будет еще темнее.

Он вошел в кухню, выпил стакан воды, чтобы унять головную боль, и удивленно сощурился, глядя в окно: крыша на другой стороне Софиес-гате сверкала белизной, и отраженный свет резал глаза. Ночью выпал первый снег. Харри подумал о письме. Он частенько получал похожие письма, но это было особенным, в нем упоминался Тувумба.

По радио началась программа о природе, чей-то радостный голос рассказывал о тюленях:

– Каждое лето они собираются на побережье Берингова моря и спариваются. Поскольку самцов больше, конкуренция за самок довольно жесткая. Поэтому самец, добившийся самки, остается с ней до следующего брачного периода. Самец заботится о своей паре, пока появившиеся на свет дети не станут самостоятельными. Впрочем, дорожит самец не самкой, а своими генами и продолжением рода. В рамках теории дарвинизма это означает, что к моногамии тюленя подталкивает естественный отбор и борьба за выживание, а не мораль.

Ну надо же, подумал Харри.

Переполнившись восхищением, голос в радиоприемнике срывался на фальцет:

– Но прежде чем тюлени покинут побережье Берингова пролива и отправятся на поиски пропитания в открытое море, самец часто пытается убить самку. Почему? Да потому, что самка тюленя никогда не станет спариваться дважды с одним и тем же самцом! Она поступает так из соображений равномерного распределения рисков – точно так же, как на фондовом рынке. Промискуитет для нее биологически оправдан, и самец об этом знает. Убив свою самку, самец рассчитывает помешать молодняку других тюленей конкурировать в добыче пищи с его собственными детьми.

– Если уж речь зашла о теории Дарвина, то почему люди поступают не так, как тюлени? – спросил другой голос.

– Именно что поступают! Наше общество – и сейчас, и в прошлом – вовсе не так моногамно, как кажется на первый взгляд. Проведенное в Швеции исследование показало, что от пятнадцати до двадцати процентов детей на самом деле рождены не от того отца, которого они считают своим и который их также полагает родными. Двадцать процентов! То есть каждый пятый ребенок! Каждый пятый рожден во лжи, но при этом – в целях биологического многообразия.

Харри начал крутить рукоятку настройки в поисках сносной музыки. Он остановился на Джонни Кэше, исполнявшем старый хит группы «Eagles» «Desperado».

И тут в дверь громко постучали.

Харри пошел в спальню, натянул джинсы, вернулся в прихожую и открыл дверь.

– Харри Холе? – Человек в рабочем комбинезоне, стоявший в дверях, смотрел на Харри сквозь толстые стекла очков. Глаза у него были чистые, как у ребенка.

Харри кивнул.

– Грибок у вас есть? – серьезно спросил человек.

Наискось через лоб у него была начесана длинная прядь волос – будто приклеенная. Под мышкой – пластиковый планшет с прикрепленным к нему густо исписанным листом бумаги.

Харри подождал хоть какого-то объяснения, но его не последовало. Человек молча, не мигая смотрел на него.

– Знаете, – сказал Харри, – это все-таки очень интимный вопрос.

Человек выдавил улыбку, ясно показывающую, как ему все это осточертело:

– Грибок в квартире. Настенный грибок.

– У меня нет никаких оснований так думать, – ответил Харри.

– С грибком так всегда. Он редко когда дает такие основания. – Человек почесал висок и покачался на каблуках.

– Но? – поощрил его Харри.

– Но он там есть.

– А почему вы так думаете?

– У ваших соседей грибок есть.

– Ах вот оно что! Вы думаете, он распространился ко мне?

– Настенный грибок не распространяется. Домовый – да.

– Ну и?..

– В вентиляции вашего дома, которая идет вдоль стен, где-то есть дефект конструкции. Из-за этого разрастается настенный грибок. Можно мне взглянуть на вашу кухню?

Харри посторонился. Человек устремился в кухню, где немедленно приложил к стене оранжевый прибор, похожий на фен для волос. Тот два раза пискнул.

– Измеритель влажности, – пояснил человек и посмотрел на что-то вроде индикатора. – Я так и думал. Вы уверены, что не видели ничего необычного? Не улавливали никаких непривычных запахов?

Харри взглянул на него с недоумением.

– Пятна как на старом хлебе? – вопрошал человек. – Запах гнили?

Харри покачал головой.

– Может, у вас болят глаза? – настаивал человек. – Чувствуете порой усталость? Голова болит?

– Естественно, – пожал плечами Харри. – Сколько себя помню.

– То есть все время, пока тут живете?

– Ну... наверное. Послушайте...

Но человек не слушал. Он достал из-за ремня нож. Мощный удар – раздался стон: это лезвие прошло между листами гипсокартона под обоями. Человек выдернул нож, вставил обратно и выковырял небольшой кусочек раскрошенного гипса, оставив в стене черную дырку. Потом вынул маленький, размером с авторучку, фонарик и посветил в дырку. Между толстенькими стеклами его очков пролегла глубокая морщина. Человек приблизил к дырке нос и потянул воздух.

– Ну точно, – опечалился он. – Здравствуйте.

– Здравствуйте кому? – переспросил Харри и подошел поближе.

– Аспергиллус, – ответил человек, – семейство настенных грибков. Их триста-четыре-ста видов, и определить, какой именно, довольно тяжело. Они расплозятся тонким слоем за этими прочными панелями. Но запах такой, что ошибки быть не может.

– И что, это плохо? – осведомился Харри и попытался вспомнить, сколько у него осталось на банковском счете, после того как он вместе с отцом оплатил поездку Сестрёныша в Испанию. (Его сестра говорила про себя, что у нее «легкий намек на синдром Дауна».)

– Ну, это не домовый грибок, так что дом, конечно, не рухнет, – по-прежнему не мигая, объяснил человек. – А вот вы можете пострадать.

– Я?

– Он на вас воздействует. Дыша одним воздухом с настенным грибком, можно и заболеть. Вы можете не обращать внимания на недомогание годами, и окружающие будут считать вас просто ипохондриком, потому что грибок обнаружить сложно, а остальные жильцы при этом абсолютно здоровы, поскольку проедает гипсокартон и обои он весьма неравномерно.

– Угу. Что вы предлагаете?

– Покончить с этой дрянью, конечно.

– И сколько мне это будет стоить?

– Расходы оплачиваются из страховки дома, так что вам это не будет стоить ни кроны. Все, что мне надо, – иметь доступ в квартиру в течение нескольких следующих дней.

Харри нашел в кухонном шкафу запасной комплект ключей и протянул их человеку.

– Он будет только у меня, – заверил тот. – Мало ли что. Всякое ведь бывает.

– Неужели? – грустно улыбнулся Харри и посмотрел в окно.

– Что?

– Да ничего, – успокоил его Харри. – Тут все равно красть нечего. Мне пора.

Низкое утреннее солнце сияло во всех окнах полицейского управления Осло, которое вот уже почти тридцать лет располагалось на вершине одного из холмов, тянувшихся от Грёнланна до Тейена. Отсюда полицейским – хотя вслух об этом старались не говорить – было рукой подать до самых криминогенных районов, заселенных в основном эмигрантами, да и Байерн, столичная тюрьма, находилась совсем рядом. Здание управления было окружено

газоном с бурой, жухлой травой, кленами да липами, которые за ночь покрылись тонким слоем сероватого снега, словно пытавшегося замаскировать непрезентабельность полицейского пейзажа.

Харри прошел по черному асфальту тропинки к главному входу и оказался в центральном холле, где висело фарфоровое настенное панно работы Кари Кристенсена со струящейся по нему водой, которая все нашептывала кому-то о своих неизбывных тайнах. Кивнув охраннику за стойкой, он поднялся на лифте на шестой этаж, в отдел убийств. Полгода назад ему выделили в красной зоне собственный кабинет, но он продолжал заходить в тот, что делил раньше с Джеком Халворсеном, – тесный и без окон. Теперь там сидел Магнус Скарре. А Джек Халворсен лежал в сырой земле на кладбище Вестре-Акера. Родители сначала хотели похоронить его в родном городе, на севере страны, поскольку Джек и Беата Лённ – шеф криминалистического отдела – не были женаты и даже не жили вместе. Но потом, узнав, что Беата беременна и к лету должна родить от Джека ребенка, согласились похоронить в Осло.

Харри вошел в новый кабинет, который – он точно знал – навсегда останется для него новым. Это примерно как домашний стадион футбольного клуба «Барселона», каковой уже пятьдесят лет по-каталански называется «Камп ноу» – «Новый стадион». Харри опустил в кресло и включил радио, поздоровавшись кивком с фотографиями, которые стояли на полке, прислоненные к стене, а когда-нибудь – когда он наконец не забудет купить шурупы – будут висеть на стене. И Эллен Йельтен, и Джек Халворсен, и Бьярне Мёллер. Так они и стояли – в хронологическом порядке. *Dead Policemen's Society* – общество мертвых полицейских.

По радио норвежские политики и политологи высказывались об американских президентских выборах. Харри узнал голос Арве Стёпа, владельца популярной газеты «Либерал», известного как самый ловкий, наглый и остроумный «властитель дум» в стране. Харри сделал погромче и взял со стола наручники фирмы «Пирлесс». Искусству скоростного застегивания наручников, отточенному на ножке стола, здорово разлохматившейся от подобного обращения, он обучился во время стажировки на курсах ФБР в Чикаго и отшлифовал его до совершенства одинокими вечерами в паршивой комнатенке в Кабрини-Грин под вопли ссорящихся соседей и с «Джимом Бимом» в качестве единственного собеседника. Задача заключалась в том, чтобы набросить открытые наручники на запястье арестанта и мгновенно защелкнуть замок. Точность движений и правильное распределение силы позволяло одним простым движением руки крепко приковать к себе арестанта, прежде чем он опомнится. Самому Харри никогда еще не приходилось применять этот прием, и лишь однажды, когда брали серийного убийцу, им воспользовался парень, которому он его показал. Наручник защелкнулся на ножке стола, а голос по радио прожужжал:

– Как вы думаете, Арве Стёп, на чем основывается скептическое отношение норвежцев к Джорджу Бушу?

– На том, что мы – слишком избалованная страна, которая никогда, по сути, не ввязывалась ни в какие войны, предпочитая, чтобы за нас воевали другие: Англия, Советский Союз и США. Ну а мы со времен Наполеоновских войн прячемся за спины старших братьев. Норвегия строит свою безопасность на том, что, когда приходится туго, ответственность на себя берет кто-то другой. И длится это уже так давно, что мы потеряли чувство реальности и свято верим: на земле живут только те, кто желает нам – самой богатой стране мира – исключительно добра. Норвегия ведет себя как болтливая тупая блондинка, которая вышла прогуляться на задворках Бронкса, а теперь негодует, что ее телохранители так жестоко обращаются с теми, кто на нее напал.

Харри набрал телефон Ракели, единственный, кроме номера Сестрёныша, который он знал наизусть. Когда он был молод и неопытен, то думал, что плохая память – недостаток для следователя. Теперь он точно знал: так оно и есть.

– А под телохранителем подразумеваются США и президент Буш? – спросил ведущий программы.

– Да. Линдон Джонсон сказал однажды, что у США не было выбора, становиться им или нет, учитывая, что больше никто не вызвался. Наш телохранитель – парень из новых христиан с эдиповым комплексом и проблемами с алкоголем, достаточно ограниченный интеллектуально и морально, чтобы честно нести военную службу. Короче, тот самый парень, которого, к нашей радости, и выбрали американцы себе в президенты.

– Я так понимаю, это ирония?

– Вообще-то нет. Такому слабому президенту нужны будут советники, а в Белом доме они, поверьте, самые лучшие. Если кто-то, насмотревшись этого нелепого телесериала про Овальный кабинет, подумает, что у демократов какая-то монополия на умных людей, то при знакомстве с крайне правым крылом республиканцев он с удивлением обнаружит умы просто величайшие. Безопасность Норвегии в самых надежных руках.

– Подружка моей подружки спала с тобой, – зазвучал в трубке голос Ракели.

– Правда? – удивился Харри.

– Не с тобой, – объяснила Ракель. – Это я Стёпу говорю.

– Пардон. – Харри сделал радио потише.

– В Тронхейме после лекции он пригласил ее в свой номер. Она согласилась, но предупредила, что у нее удалена одна грудь. Он сказал, что ему надо подумать, и отправился в бар. Потом вернулся и увел-таки ее с собой.

– Хм. Надеюсь, его ожидания оправдались.

– Ожидания никогда не оправдываются.

– Точно, – ответил Харри, пытаясь понять, что она имеет в виду.

– Планы на сегодняшний вечер? – спросила Ракель.

– В восемь часов в «Палас-гриле». Но там какая-то ерунда: нельзя заказать столик заранее. Что они этим хотят сказать?

– Думаю, это особый шик.

Они договорились встретиться в баре неподалеку. Повесив трубку, Харри задумался. Судя по голосу, Ракель ему обрадовалась. Или просто была в настроении. В настроении его увидеть. Он попытался понять: а он-то сам рад за нее? Рад ли он, что женщина, которую он так любил, теперь счастлива с другим мужчиной? В свое время был шанс и у него. И он его упустил. Так отчего же не радоваться тому, как у нее все хорошо сложилось, почему бы не отбросить наконец мысль о том, что у них все могло пойти по-другому, и не начать жить своей жизнью? Харри пообещал себе приложить к этому еще больше стараний.

Утреннее совещание закончилась быстро. Гуннар Хаген – комиссар, начальник отдела убийств – говорил о текущих делах. А поскольку никаких новых дел не было, то ни сотрудников, ни присутствовавших на совещании журналистов заинтересовать ему не удалось. Правда, Томас Хелле из отдела розыска пропавших без вести доложил о расследовании по делу женщины, которая год назад исчезла из собственного дома. Никаких следов насилия, никаких следов преступника, никаких следов ее самой. Она была домохозяйкой, в последний раз ее видели в детском саду, куда она привела сына и дочь. У мужа и всех знакомых было алиби, уже проверенные. Хелле получил совет проконсультироваться по делу в отделе убийств.

Магнус Скарре передал всем привет от Столе Эуне – штатного психолога, которого он вчера навещал в Уллеволской больнице. Харри ощутил укол совести. Столе Эуне был не только коллегой по работе, но и его личным секундантом в борьбе с алкоголем, а также ближайшим и верным другом. Эуне госпитализировали с неясным диагнозом уже больше

недели назад, а Харри все еще не удалось победить свою неприязнь к больнице. «В среду обязательно, – пообещал себе Харри. – Или в четверг».

– У нас новый сотрудник, – сообщил Гуннар Хаген. – Катрина Братт.

В первом ряду встала молодая женщина. Смотри-ка ты, настоящая красавица! И ведь не старается понравиться, подумал Харри. Тонкие темные волосы безжизненно свисали по обеим сторонам лица. Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, – такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес. Катрина Братт была одета в синий костюм, подчеркивавший ее женственность, но толстые черные колготки и простые удобные туфли безошибочно указывали: играть на этом она не собирается. Она стояла и скользила взглядом по присутствующим, как будто специально встала, чтобы рассмотреть их, а не для того, чтобы себя показать. Харри готов был поручиться, что она тщательно продумала и костюм, и весь этот маленький спектакль, который давала в свой первый рабочий день в Полицейском управлении.

– Катрина четыре года проработала в отделе нравов Управления полиции Бергена, а также какое-то время в отделе убийств, – продолжил Хаген, посматривая в листок, который, как понял Харри, был ее резюме. – Закончила юридический факультет Бергенского университета в тысяча девятьсот девяносто девятом году, затем полицейскую академию, ну а теперь, стало быть, будет работать здесь. Детей пока нет, зато замужем.

Катрина Братт чуть заметно приподняла тонкую бровь. То ли Хаген это увидел, то ли догадался, что последняя фраза была лишней, только он добавил:

– Если кому интересно, конечно...

Последовала напряженная и многозначительная пауза, которая убедила Хагена в том, что он наломал дров. Он запнулся, крикнул, а потом предупредил тех, кто еще не записался на рождественский обед, что они должны успеть сделать это до среды.

Когда задвигались стулья, Харри уже был в коридоре. Его остановил голос:

– А я ваша.

Харри обернулся, встретил взгляд Катрины Братт и восхитился: какой красавицей она может быть, если захочет!

– Или вы мой, – улыбнулась она, показав ряд ровных зубов, но глаза ее оставались серьезными. – Это как посмотреть.

У нее был правильный бергенский выговор с небольшим акцентом, который натолкнул Харри на мысль, что родом она из Фаны, или Калфарета, или другого солидного места.

Он двинулся дальше, Катрина торопливо шагала рядом.

– Такое впечатление, что комиссар вас ни о чем не предупредил, – произнесла она, преувеличенно нажимая на каждый слог в звании Гуннара Хагена. – Но именно вы должны в течение следующих дней помочь мне осмотреться и ввести в курс дела. Пока я не смогу работать самостоятельно. Как думаете, справитесь?

Харри заставил себя улыбнуться. Катрина ему нравилась, но он был готов в любой момент поменять мнение. Он вообще никогда не лишал человека шанса попасть в черный список.

– Не знаю. – Харри остановился у кофейного автомата. – Давайте тогда начнем.

– Я не пью кофе.

– Не важно. Кофе – это нечто само собой разумеющееся. Как и почти все тут у нас. Что вы думаете о пропавшей женщине?

Харри нажал на кнопку с надписью «американо», которая в данном случае означала совершенно норвежский растворимый кофе.

– Что именно? – спросила Братт.

– Думаете, она жива? – Харри попытался произнести это самым обычным тоном, чтобы она не догадалась, что он ее проверяет.

– Думаете, я дура? – ответила она вопросом на вопрос и с нескрываемым отвращением посмотрела, как автомат с хрипом выплевывает в белый пластиковый стаканчик черную жижу. – Может, вы не слышали, как комиссар сказал, что я четыре года проработала в отделе нравов?

Харри хмыкнул и уточнил:

– Значит, мертва?

– Мертвее не бывает, – подтвердила Катрина Братт.

Харри поднял стаканчик. Возможно, сегодня у него появилась коллега, которую он сможет уважать.

Вечером, когда Харри шел домой, снега на улицах уже не было, а маленькие снежинки, легко кружившиеся в воздухе, влажный асфальт слизывал, как только они его касались. Дойдя до своего любимого музыкального магазинчика, Харри вошел и быстро купил последнюю запись Нила Янга, как будто боялся, что она протухнет.

Оказавшись в квартире, он почувствовал: что-то не так. Незнакомый звук? Или, может быть, запах? На пороге кухни он застыл как вкопанный. Стены не было. Там, где еще сегодня утром светлые в цветочек обои прикрывали гипсокартон, он увидел ржавого цвета кирпичную стену, серый бетон и грязно-желтый деревянный каркас с дырками от гвоздей. На полу стоял ящик с инструментами специалиста по грибкам, а на кухонном столе лежала записка, где тот сообщал, что вернется завтра утром.

Харри пошел в гостиную, вставил диск Нила Янга в проигрыватель, через четверть часа нашел его отвратительным и решил послушать Райана Адамса. Мысль о выпивке возникла ниоткуда. Харри прикрыл глаза и усталился в танцующую кроваво-черную пустоту. Он снова вспомнил о письме. Первый снег. Тувумба.

Телефонный звонок разорвал песню Райана Адамса «Shakedown On 9th Street» надвое.

Женский голос представился как Уда. Она сообщила, что звонит из редакции программы «Боссе», и поблагодарила за прошлое сотрудничество. Ее саму Харри не вспомнил, зато вспомнил передачу. Это было весной, его попросили принять участие в разговоре о серийных убийцах, поскольку он был единственным полицейским в Норвегии, который изучал эту тему не где-нибудь, а в ФБР и к тому же сам охотился за настоящим серийным убийцей. И у Харри хватило глупости согласиться. Себя он постарался убедить в том, что согласился выступить в передаче, чтобы сказать нечто важное – все-таки он профессионал, – а вовсе не для того, чтобы увидеть свою физиономию в самом популярном ток-шоу страны. Потом-то, конечно, он уже не был до конца уверен в двигавших им мотивах. Но это еще не самое худшее. Самое худшее то, что перед съемкой Харри решил пропустить стаканчик. Он твердо помнил, что стаканчик был один, однако на экране Харри выглядел так, будто их было все пять. Артикулировал он прилично – на это он способен в любом состоянии, но взгляд его туманился, он нес какие-то банальности, а к выводам перейти так и не сумел, поэтому ведущий в конце концов пригласил в студию следующего гостя – новоиспеченного чемпиона Европы по икебанае. Харри ни слова не произнес по поводу появления чемпиона, но по всему его виду было совершенно понятно, что он думает обо всех этих цветочных штучках. А когда ведущий спросил Харри, как следователи относятся к норвежской школе цветочного декора, он ответил, что венки на норвежских могилах всегда соответствуют самому высокому европейскому уровню. Вероятно, именно стиль Харри – эдакая небрежность человека слегка «под мухой» – вызвал смех публики в студии, а после передачи – одобрительные похлопывания по плечу от съемочной группы. Он «зажигает» – так они ему сказали. После передачи с небольшой компанией телевизионщиков Харри посидел в Доме искусств, где его

напоили так, что на следующий день, когда он проснулся, тело каждой клеточкой вопило и требовало добавить. Была суббота, так что он продолжил квасить до вечера воскресенья, пока не оказался в ресторане «Шрёдер», где орал, чтобы ему принесли пива. Вскоре свет в зале замигал, а Рита – официантка – подошла к нему и сказала: если он немедленно не отправится напрямик в кровать, его опять перестанут сюда пускать. Но это был последний срыв, с самого апреля у него во рту не было ни капли.

А теперь, стало быть, они снова захотели увидеть его на экране.

Женщина объяснила, что тема передачи – терроризм в арабских странах и отношение к этой машине смерти образованных представителей среднего класса.

– Нет, – отрезал Харри.

– Но мы так хотим видеть именно вас, вы такой... такой рок-н-рольный!

В голосе девушки отчетливо слышалось восхищение, так что он даже засомневался: а вдруг оно настоящее? И тут он ее вспомнил. Она была с ними там, в Доме искусств, в тот вечер. Она была красива и свежа, как родниковая вода, она и говорила, как говорят молодые и как лепечет родниковая вода. Она смотрела на него с аппетитом хищницы, как будто он был экзотическим блюдом, которое хочется попробовать, да боязно.

– Позвоните кому-нибудь другому, – отказался Харри, положил трубку и, прикрыв глаза, стал слушать, как Райан Адамс вопрошает: «Oh, baby, why do I miss you like I do?»

Сидя на кухонном диванчике, мальчик снизу вверх посмотрел на стоящего рядом отца. Отсвет белого снега, засыпавшего двор, бликовал на его лысом, туго обтянутом кожей массивном черепе. Мама говорила, что у отца такая большая голова, потому что он – большой мозг. А когда мальчик спросил, почему «он мозг», а не «у него мозг», она улыбнулась, погладила его по голове и ответила, что у профессоров физики только так и бывает. «Мозг» только что вымыл картофелины под краном и запихнул их напрямик в кастрюлю.

– Пап, а ты картошку-то почистишь? Мама обычно...

– Твоей мамы сейчас нет, Юнас. Так что поступим по-моему.

Он не повысил голос, но Юнас все равно почувствовал раздражение и весь сжался. Он никогда не понимал, почему отец злится. А частенько даже не замечал, что тот уже разозлился. Мальчик соображал, что дело плохо, лишь когда мама по-особому поджимала губы, что раздражало отца еще сильнее. Скорее бы она пришла.

– Крайние тарелки, пап!

Отец с силой захлопнул дверцу шкафа, и Юнас тут же прикусил губу, но лицо отца уже приблизилось, и глаза сощурились за тонкими стеклами прямоугольных очков.

– Не «крайние» это называется, а «те, что стоят с краю». Сколько раз я тебе уже говорил?

– А мама...

– Мама говорит неправильно. В той части Осло и в той семье, в которой она родилась, на норвежский не обращают внимания.

Изо рта у отца пахло солеными гнилыми водорослями.

В дом кто-то вошел.

– Привет! – донеслось из прихожей.

Юнас хотел было побежать маме навстречу, но отец удержал его за плечо и показал на ненакрытый стол.

– Какие же вы молодцы!

Она стояла в дверях у него за спиной, и Юнас угадал в ее запыхавшемся голосе улыбку. Он принялся поспешно расставлять чашки и раскладывать приборы.

– А какого прекрасного огромного снеговика вы слепили!

Юнас вопросительно повернулся к матери, которая расстегивала пальто. Такая красивая. Смуглая, темноволосая, как и он сам. С нежным-нежным выражением глаз. Почти всегда. Почти. Теперь она уже не такая стройная, как на свадебных фотографиях, но, когда они недавно ездили отдыхать в деревню, он видел, что мужчины на нее заглядывались.

– Никакого снеговика мы не лепили, – сказал Юнас.

– Разве? – наморщила лоб мама, разматывая длинный толстый розовый шарф, который он подарил ей на Рождество.

Отец подошел к окну:

– Наверное, соседские дети.

Юнас забрался на стул и выглянул на улицу. А там, посреди газона, прямо напротив их дома, и правда стоял большой снеговик. Глаза и рот выложены камешками, а нос сделан из морковки. Шляпы и шарфа у него не было, да и рука была всего одна – тонкая веточка, выдернутая, как догадался Юнас, из изгороди. И еще кое-что было не так: снеговик стоял неправильно. Юнас не смог бы этого объяснить, но чувствовал: снеговика надо было ставить лицом к дороге, к открытому пространству.

– А почему... – начал он, но отец его перебил:

– Я с ними поговорю.

– Зачем? – спросила мама из прихожей. Судя по звуку, она расстегивала молнию на высоких черных кожаных сапогах. – Это ничего не даст.

– Я не хочу, чтобы по моему участку кто-то шатался. Вот вернусь и поговорю.

Мать в прихожей вздохнула:

– А когда ты вернешься, дорогой?

– Завтра.

– В котором часу?

– Это что? Допрос? – Отец произнес это с деланным спокойствием, и Юнас поежился.

– Мне бы хотелось, чтобы обед был готов к твоему возвращению, – отозвалась мать.

Она вошла в кухню, заглянула в кастрюлю и сделала огонь посильнее.

– К чему эти хлопоты? – буркнул отец, отвернувшись к стопке газет, что лежала на диванчике. – Вернусь, и приготовишь.

– Ну хорошо. – Мать подошла к отцу и обняла его со спины. – Неужели тебе действительно надо в Берген на ночь глядя?

– Лекцию я читаю в восемь утра, – объяснил отец. – Час уйдет только на то, чтобы добраться от самолета до университета, так что я даже думать не хочу о том, чтобы лететь первым утренним рейсом.

Юнас заметил, как расслабились мускулы у отца на шее – мама опять подобрала правильные слова.

– А почему снеговик смотрит на наш дом? – спросил Юнас.

– Иди-ка вымой руки, – приказала мать.

Ели в тишине, прерываемой короткими вопросами матери о делах в школе и расплывчатыми ответами Юнаса. Вот повезло, что отец не принялся за свои невыносимые расспросы о том, что они сегодня проходили – или не проходили – в «этой убогой школе»! Еще хуже было бы, если бы родители учинили Юнасу быстрый допрос о том, с кем из ребят он играл, кто их родители и откуда они родом. Юнас, к раздражению отца, никогда не мог дать на такие вопросы удовлетворительных ответов.

Улегшись в кровать, Юнас слушал, как внизу отец прощается с матерью, как хлопает дверь и отъезжает машина. Они опять остались одни. Мать включила телевизор. Мальчик вспомнил, как она пыталась узнать у него, почему он больше не приглашает к себе друзей. Юнас не знал, что ответить: ему ведь не хотелось, чтобы она начала себя ненавидеть.

Вместо этого он сейчас лежал и ненавидел себя самого. Юнас укусил себя за щеку, так что боль выстрелила в ухо, и уставился в потолок, на «музыку ветра» – звенящие металлические трубки. Он встал, дошаркал до окна и выглянул наружу.

Снег во дворе отражал достаточно света, чтобы он мог различить снеговика, стоящего внизу. Одинокий такой. Надо бы сообразить ему шапку и шарф. И может, даже метлу. В этот момент луна показалась из-за туч. Свет упал на темный двор. И на глаза снеговика. Юнас затаил дыхание и попятился от окна. Глаза из гравия слабо сверкнули. И смотрели они не просто на двор. Они были направлены вверх. Прямо на него. Юнас задернул шторы и забрался в кровать.

Глава 3

День первый. Кошениль

Харри сидел у стойки в «Палас-гриле» и читал составленный в любезных выражениях плакат, в котором гостей бара просили не требовать налить в долг, не стрелять в пианиста и вообще – «Be Good Or Be Gone». Вечер был ранний, посетителей мало. Две девчушки за столиком трещали каждая в свой мобильный, а двое парней играли в дартс, демонстрируя великолепную технику во всем, что касалось стойки и броска, и паршивые результаты. Долли Партон, диск которой, как понял Харри, поставил какой-то любитель старого доброго кантри, гнусавила в динамиках с присущим ей сильным южным акцентом. Харри посмотрел на часы и заключил сам с собой пари, что Ракель Фёуке появится в дверях ровно в семь минут девятого. Он узнал особое царапающее ощущение, посещавшее его каждый раз перед встречей с ней. Сам себе он сказал, что это условный рефлекс, остаточная реакция, как у собаки Павлова, которая начинала истекать слюной при звуке звонка, предвещавшего появление еды, даже когда самой еды не было и в помине. А сегодня вечером еды не будет, то есть будет как раз просто еда. Они поужинают и мило побеседуют о своей теперешней жизни. И об Олеге – сыне Ракели от бывшего мужа, русского, с которым она познакомилась, когда работала в норвежском посольстве в Москве. Мальчик был очень застенчив, неразговорчив, но Харри удавалось с каждой встречей подружиться с ним крепче и крепче; отношения у них были даже ближе и доверительнее, чем у самого Харри с собственным отцом. Так что, когда Ракель наконец ушла от него, он не знал, какая потеря больше. Теперь-то он ясно понял, какая. Потому что было ровно семь минут девятого, и она в самом деле стояла в дверях: расправленные плечи, которые он когда-то обнимал, высокие скулы, обтянутые светящейся кожей, к которой он когда-то прижимался. Он надеялся, что она не будет выглядеть такой красивой. Такой счастливой. Она подошла к нему, и их щеки соприкоснулись. Он горько пожалел, что упустил ее.

– Что ты так смотришь? – спросила она, расстегивая пальто.

– Сама знаешь, – сипло ответил он и выругал себя за то, что позволил ей услышать, как у него перехватило горло.

Она громко рассмеялась, и этот смех подействовал на него, как первый стакан «Джима Бима»: Харри согрелся и расслабился.

– Не надо, – сказала она.

Он отлично знал, что означает ее «не надо»: «Не начинай, не мучайся, ничего не выйдет». Она произнесла это тихо, еле слышно, но все равно его обожгло как пощечиной.

– Ты похудел, – сказала она.

– Все так говорят.

– Что со столиком?

– Метрдотель нас позовет.

Она села за стойку рядом с ним и заказала аперитив – разумеется, кампари. Харри когда-то звал ее Кошениль – так называется натуральный пигмент, придающий этому пряному сладкому напитку его особенный цвет. Она и в одежде предпочитала красные тона. Сама-то Ракель настаивала, что это отпугивающая окраска, как у зверей, которые таким образом дают человеку понять, чтобы он держался подальше.

Харри заказал еще одну колу.

– Почему ты похудел? – поинтересовалась она.

– Грибок.

– Что?

– Ну, ему же надо кормиться. Мозгами, глазами, легкими. Сознанием. Высасывает цвет лица и память. Грибок растёт, я исчезаю. Он становится мной, а я им.

– Что ты несешь? – перебила она с отвращением на лице, но в глазах Харри разглядел улыбку.

Она любила, когда он что-нибудь рассказывал, даже когда он нес явную чушь. Он рассказал о грибке в квартире.

– А у тебя как дела?

– Отлично. У меня все хорошо, у Олега тоже. Вот только он по тебе скучает.

– Так и сказал?

– Ты знаешь это и без его слов, Харри. Мог бы обойтись с ним помягче.

– Я? – Харри изумленно возрился на нее. – Это был не мой выбор.

– Да что ты! – Ракель взяла со стойки бокал. – То, что мы расстались, не означает, что вы с Олегом больше не должны встречаться. Ваша дружба важна для вас обоих. Привязанности вам даются с таким трудом, что надо бы ценить те, что уже есть.

Харри пригубил свою колу:

– А как у Олега с твоим?

– Его зовут Матиас. – Ракель вздохнула. – Они стараются наладить отношения, но они такие... разные. Матиас идет навстречу, но Олежка все усложняет.

Харри почувствовал сладкий укол умиротворения.

– К тому же Матиас много работает.

– А я-то думал, что тебе не нравится, когда мужик работает, – произнес Харри и в тот же миг пожалел о сказанном.

Но Ракель не рассердилась, она грустно вздохнула:

– Дело было не в том, что ты работал, Харри, а в твоей одержимости. Ты сам и *есть* работа, и движет тобой не любовь, не ответственность. А солидарность. Никаких личных устремлений, вот в чем дело. В твоей душе только жажда мести. А это неправильно, Харри, так быть не должно. Ты сам знаешь, что произошло.

«Да, – подумал Харри, – и в твой дом я занес заразу».

Он кашлянул и поинтересовался:

– Ну а твой... он-то хоть занимается... правильными вещами?

– Матиас теперь по ночам дежурит в отделении скорой помощи. Добровольно. А днем читает лекции в Институте анатомии.

– А еще он, конечно, донор и член неправительственной организации «Международная амнистия»?

– Вторая группа с отрицательным резусом – это большая редкость, Харри. А «Амнистию» ты сам поддерживаешь, я же знаю.

Она помешала оранжевой соломинкой в почти полном стакане, красная жидкость заплескалась вокруг кубиков льда. Кошениль.

– Харри... – начала она.

Что-то в ее голосе заставило его напрячься.

– Мы с Матиасом хотим съехаться. После Рождества.

– Так быстро? – Харри провел языком по пересохшему нёбу, стараясь добыть хоть каплю влаги. – Вы же знакомы не больше года.

– Полтора. А к лету мы планируем пожениться.

Магнус Скарре внимательно смотрел на теплую воду, бегущую из крана ему на руки и исчезающую в стоке. Нет. Ничто не исчезает, просто переносится в другое место. Как и те люди, о которых он собирает информацию в течение последних недель. Об этом его попро-

сил Харри. Харри сказал, что там можно что-то нарыть. И что доклад Магнуса ему нужен до праздников. А это означало, что Магнусу придется работать сверхурочно. Сам-то он прекрасно знал, что Харри поручил ему это дело, чтобы он не расслаблялся в этот предпраздничный период. Ребята из отдела розыска пропавших без вести отказались копаться в старых делах: у них и новых по горло.

Возвращаясь к себе в кабинет по пустынному коридору, Магнус заметил, что его дверь приоткрыта. Он твердо помнил, что закрыл ее, между тем было уже позже девяти – даже охранники давно разошлись. Два года назад у них случился ряд краж из кабинетов. Магнус резко рванул дверь.

Посреди кабинета стояла Катрина Братт. Она обернулась к нему, приподняв одну бровь, как будто это был ее кабинет и ему следовало постучаться, прежде чем войти. А потом снова повернулась к нему спиной.

– Я просто хотела посмотреть, – сказала она, обводя взглядом стены.

– На что? – Скарре огляделся по сторонам. Кабинет был совершенно такой же, как и все остальные, вот только без окна.

– Это же был его кабинет. Так?

– Кого вы имеете в виду? – нахмурился Скарре.

– Холе. Все эти годы это был его кабинет. В том числе и в тот период, когда он расследовал серийные убийства в Австралии. Так?

– Вроде да, – пожал плечами Скарре. – А что?

Катрина Братт провела ладонью по столу:

– А почему он переехал?

Магнус обошел стол и уселся в кресло.

– Здесь нет окна. К тому же его повысили.

– А делил он кабинет сначала с Эллен Йельтен, потом с Джеком Халворсеном, – сказала Катрина Братт. – И обоих убили.

Магнус Скарре заложил руки за голову. А эта новенькая ничего. На класс, а то и на два повыше его будет. Он готов был биться об заклад, что муженек у нее – большой начальник чего-нибудь там и деньжата имеет. Костюмчик-то у нее, пожалуй, дорогой... Но вот если к ней присмотреться как следует, видно: что-то не так. Как будто в ее красоте есть изъян, только не удастся определить, в чем же он заключается.

– Как думаете, может, он слышал их голоса, потому и сменил кабинет? – спросила Братт, изучая карту Норвегии на стене. Скарре обвел на ней населенные пункты Эстланна, откуда за последние четверть века, начиная с 1980 года, пропадали люди.

Скарре улыбнулся и не ответил. Талия у нее была тонкая, спина прямая, и он знал, что она знает, что он ее разглядывает.

– А как он вообще? – не услышав ответа, продолжила она.

– Почему вы этим интересуетесь?

– Новым шефом всегда интересуются.

Тут она была права. Вот только он сам никогда о Харри Холе не думал как о начальнике. Тот, конечно, давал им какие-то задания и возглавлял расследование, но единственное, чего он, собственно, требовал от сотрудников, – не уходить со службы раньше его.

– Вам, вероятно, известно, что у него довольно дурная слава, – осторожно начал Скарре.

Она пожала плечами:

– Если вы о пьянстве – да, я слышала. И что он писал докладные на коллег. Что все остальные начальники мечтают, чтобы его вышвырнули, но предыдущий комиссар прикрыв его своей могущественной дланью.

– Его звали Бьярне Мёллер, – заметил Скарре и посмотрел на карту, на которой кружком был обведен и Берген. Именно там в последний раз видели Мёллера. Перед самым его исчезновением.

– Еще слышала, что местным сотрудникам не очень нравится, что телевидение сделало из него чуть ли не звезду.

Скарре закусил нижнюю губу:

– Он чертовски хороший следователь. Это для меня главное.

– А вам он нравится? – Братт, наконец, повернулась и наградила его взглядом в упор.

Скарре усмехнулся:

– Нравится – не нравится, не могу сказать. – Он отодвинулся вместе с креслом, положил ноги на стол, потянулся, изобразил зевок. – А над чем вы работаете в столь поздний вечер?

Это была лишь попытка переменить тему. В конце концов, она ниже его по званию, к тому же еще и новенькая.

Катрина Братт в ответ только улыбнулась, как будто он сказал что-то забавное, вышла за дверь и была такова.

Ушла. Ну и отлично. Скарре выругался, сел по-нормальному и снова включил компьютер.

Харри проснулся и некоторое время лежал на спине, глядя в потолок. Сколько он спал? Он повернулся к тумбочке и взглянул на будильник. Без четверти четыре. Ужин был сплошным страданием. Он смотрел на губы Ракели, а она болтала, пила вино, ела мясо и растревляла его рассказами о том, что они с Матиасом думают провести год или два в Ботсване, где правительство объявило войну СПИДу, но там не хватает врачей. Она спросила, встретил ли он кого-нибудь. Он сказал: да, встретил. Друзей детства: Эйстейна и Валенка. Первый был алкоголиком, таксистом и компьютерным фанатом. Второй – алкоголиком и игроком, который наверняка стал бы чемпионом мира по покеру, если бы только умел сохранять невозмутимое выражение лица так же хорошо, как умел читать лица своих соперников. Харри завел было историю о великом проигрыше Валенка в Лас-Вегасе, но вспомнил, что рассказывал ее раньше. К тому же все это было неправдой. Ни с кем он не встречался.

На соседнем столике официант разливал по бокалам какую-то выпивку, и на мгновение Харри охватило сумасшедшее желание вырвать у него бутылку и прижать ее к губам. Вместо этого, однако, он согласился сопровождать Олега на концерт, куда мальчик умолял пойти Ракель. «Slipknot». Харри решил не рассказывать ей, на какой концерт она готова отпустить сына. Группа с обязательным предсмертным хрипом в каждой песне, сатанинской символикой и учащенным бас-ритмом вряд ли могла пробудить в ком-нибудь сентиментальные чувства. Ну а в остальном «Slipknot» ребята интересные, не хуже иных прочих.

Харри откинул одеяло, пошел в кухню, открыл холодную воду и напился из пригоршни. Такой вкусной воды он никогда не пробовал: она стекала с его собственной ладони, с его собственной кожи. Но тут он вдруг выплеснул воду в раковину и уставился на черную стену. Что это? Кто-то движется, что ли? Нет, никого нет, но движение точно есть. Неторопливое, плавное, словно незримая волна проходит по водорослям, над которыми струится вода. Отмершие нити грибницы, крошечные – не увидеть – отростки, споры, которые при малейшем колебании воздуха переносятся с места на место и начинают высасывать соки.

В гостиной Харри включил радио. Все было кончено: в Белом доме начал свой новый президентский срок Джордж Буш.

Харри вернулся в кровать и натянул одеяло на голову.

Юнаса разбудил какой-то звук, и он откинул с лица одеяло. Мальчику почудилось что-то вроде потрескивания – так в тишине воскресного утра хрустит под подошвами снег между

домами. Может, это ему приснилось? Он закрыл глаза, но спать расхотелось, вспомнился обрывок сна: отец молча и недвижно стоит перед ним, стекла очков сверкают так, что глаз не видно.

Юнас испугался: это был настоящий кошмар. Он снова открыл глаза и увидел, что металлические трубки «музыки ветра» под потолком шевелятся. Мальчик выпрыгнул из кровати, открыл дверь и выбежал в коридор. Он старался не смотреть вниз на темные ступени лестницы, ведущей на первый этаж, остановился только перед дверью в спальню родителей и бесконечно осторожно нажал на ручку. Тут он вспомнил, что отец уехал, а уж маму-то можно разбудить. Он вошел в спальню. На полу растянулся четырехугольник лунного света, доползавший до аккуратно заправленной большой кровати. Стрелки настенных часов показывали 01.11. Юнас на секунду застыл от удивления, а потом поспешил вернуться к темной лестнице, которая лежала перед ним как пропасть. Ни единого звука.

– Мама!

Услышав короткое эхо собственного голоса, он испугался еще больше. Потому что теперь она тоже все знала. Темнота.

Никто не отозвался.

Юнас сглотнул и стал спускаться по лестнице.

На третьей ступеньке он почувствовал под ногой что-то мокрое. И на седьмой. И на восьмой. Как будто кто-то прошелся в мокрой обуви. Или с мокрыми ногами.

В гостиной горел свет, но мамы не было. Юнас подошел к окну, чтобы посмотреть, не спят ли Бендиксены, потому что мама иногда ходила туда к Эббе. Но у них все окна были темные.

Он дошел до телефона на кухне, стараясь не думать о темноте, не пускать ее сюда, набрал номер маминого мобильного. И – о радость! – услышал ее мягкий голос. Но это было всего лишь приветствие автоответчика с пожеланием хорошего дня и просьбой оставить сообщение.

А ведь был вовсе не день, была ночь.

В прихожей мальчик сунул ноги в большие отцовские ботинки, натянул прямо на пижаму пуховичок и вышел наружу. Мама говорила, что выпавший снег растает к утру, но сейчас на улице все еще было холодно и легкий ветерок шептал и бормотал что-то в ветвях дуба, росшего у крыльца. До дома Бендиксенов было не больше ста метров, к тому же у их крыльца горели целых два фонаря. Она, должно быть, там. На всякий случай Юнас оглянулся по сторонам. И тут его взгляд упал на снеговика. Тот стоял как и прежде, без движения, все так же повернувшись к дому, купаясь в лучах лунного света. Но все-таки кое-что изменилось, в нем появилось что-то человеческое, знакомое. Юнас посмотрел на дом Бендиксенов. Надо бежать! Однако он не мог сдвинуться с места, стоял как вкопанный, а ледяной ветер осторожно обдувал его со всех сторон. Мальчик медленно обернулся, бросил взгляд на снеговика: до него только что дошло, почему снеговик показался таким знакомым. Теперь на нем был шарф. Розовый шарф. Шарф, который Юнас подарил маме на Рождество.

Глава 4

День второй. Исчезновение

К полудню снег в центре Осло уже растаял. Но он все еще лежал пятнами на газонах района Хофф, по которому проезжали Харри Холе и Катрина Братт. По радио Майкл Стайп пел о предчувствиях, о том, что все пропало, и о мальчиках у колодца. Выехав на еще более тихую улицу, вдоль которой тянулась очередная группа коттеджей, Харри показал на белую «тойоту-короллу», припаркованную возле ограды.

– Вон машина Скарре. Давайте встанем за ней.

Большой желтый дом. Пожалуй, великоват для семьи из трех человек, подумал Харри, поднимаясь к входу по гравийной дорожке. Кругом хлюпало и капало. Во дворе стоял слегка покосившийся снеговик, чьи виды на будущее были явно далеко не радужными.

Дверь открыл сам Скарре. Харри нагнулся и хорошенько рассмотрел замок.

– Следов взлома нет, – сообщил Скарре и повел их в гостиную, где на полу спиной к ним сидел паренек и смотрел по телевизору мультики.

С дивана встала женщина, протянула Харри руку и представилась:

– Эбба Бендиксен, соседка. Ничего подобного с Биртой раньше никогда не случалось. По крайней мере, за время нашего знакомства.

– А вы давно знакомы? – спросил Харри, оглядываясь по сторонам.

Напротив телевизора стояла массивная кожаная мебель и восьмиугольный стеклянный столик. Вокруг светлого обеденного стола были расставлены легкие и элегантные стальные стулья. Как раз такие – он-то знал – нравятся Ракели. На стене висели два портрета каких-то мужиков, с виду директоров банка, которые смотрели сверху вниз в многозначительном молчании. Рядом – абстрактное полотно из разряда модернистского искусства, успевшее выйти из моды, а затем стать еще более модным.

– Десять лет, – ответила Бендиксен. – Мы переехали в дом на той стороне дороги в тот год, когда родился Юнас. – И она кивнула на мальчика, который продолжал смотреть на каких-то водомеров: те скакали за волком, что бежал по экрану и то и дело взрывался.

– Так, значит, это вы сегодня ночью вызвали полицию?

– Да.

– Мальчик позвонил в дверь в четверть второго, – вмешался Скарре, глядя в свои записи. – Звонок в полицию зафиксирован в час тридцать.

– Я, мальчик и мой муж сначала вернулись и искали ее в доме, – пояснила Бендиксен.

– А где именно вы искали?

– В подвале. В ваннах комнатах. В гараже. Везде. Просто странно, как это можно вот так взять и убежать.

– Убежать?

– Исчезнуть. Пропасть. Полицейский, с которым я говорила по телефону, попросил нас присмотреть за Юнасом и сказал, чтобы мы обзвонили всех знакомых Бирты, у которых она может быть. Ну и дожидаться утра, чтобы узнать, появилась ли она на работе. Он сказал, что в восьми случаях из десяти пропавший человек через несколько часов объявляется сам. Мы попытались связаться с Филипом...

– Муж, – опять вмешался Скарре. – Он был в Бергене, читал лекцию. Профессор чего-то там...

– Физики, – улыбнулась Эбба Бендиксен. – Впрочем, не важно: мобильный у него был выключен. А в каком отеле он остановился, мы не знали.

– С ним связались рано утром, – сообщил Скарре. – Он в Бергене, но скоро будет здесь.

– Да, слава богу, – вздохнула Эбба. – Так вот, когда мы позвонили сегодня утром к Бирте на работу, оказалось, что к обычному времени она так и не появилась. И тут уж мы снова перезвонили вам, в полицию.

Скарре кивнул, подтверждая ее слова. Харри жестом показал, чтобы он продолжал обрабатывать Эббу Бендиксен, а сам подошел к телевизору и сел на пол рядом с мальчиком. На экране волк поджег динамитную шашку и принялся ее раздувать.

– Привет, Юнас, меня зовут Харри. Тебе другие полицейские уже сказали, что такие происшествия, как это, почти всегда заканчиваются хорошо? И тот, кого ищут, в конце концов объявляется сам?

Паренек отрицательно покачал головой.

– Это точно, – сказал Харри. – Как думаешь, где сейчас твоя мама?

– Я не знаю, где она, – пожал плечами мальчик.

– Понятно, что ты не знаешь, Юнас. В настоящий момент никто из нас этого не знает. Но если ее нет ни дома, ни на работе, то где она может быть? Какое место приходит тебе на ум?

Мальчик не ответил. Он по-прежнему не отрывал глаз от волка – тот теперь пытался отшвырнуть динамитную шашку, но та накрепко прилипла к лапе.

– А есть у вас дача или что-нибудь в этом роде, куда обычно вы ездите отдохнуть?

Мальчик вновь покачал головой.

– Может, есть какое-нибудь особое место, куда мама отправляется, когда ей хочется побыть одной?

– Ей не хочется быть одной, – произнес Юнас. – Ей хочется быть вместе со мной.

– Только с тобой?

Мальчик повернулся и посмотрел на Харри. У Юнаса были карие глаза, совсем как у Олега. И в этих карих глазах Харри увидел страх, чего и следовало ожидать, а еще – вину, которой ожидать никак не следовало.

– А почему они пропадают? – спросил мальчик. – Ну, те, что потом возвращаются обратно?

Те же глаза, подумал Харри, те же вопросы. Самые важные.

– По разным причинам, – ответил он. – Кто-то устал. Всегда же найдется от чего устать. А кто-то просто спрятался, чтобы побыть в тишине и спокойствии.

В коридоре слышались шаги, и Харри заметил, как мальчик весь сжался.

Динамит в лапе у волка взорвался, и в тот же самый миг двери гостиной позади них распахнулись.

– Добрый день, – поздоровался голос за спиной, резкий и сдержанный одновременно. – Каково положение дел?

Харри уже обернулся и успел рассмотреть одетого в костюм мужчину лет пятидесяти, который наклонился над журнальным столиком и взял пульт. Телевизор протестующе пискнул, и мультимедиа немедленно схлопнулся в белую точку.

– Ты помнишь, что я сказал о просмотре телевизора посреди дня, Юнас? – произнес мужчина скорбным тоном, который давал понять всем присутствующим, что воспитание детей – совершенно безнадежное дело.

Харри встал, назвал себя и представил Магнуса Скарре и Катрину Братт.

– Филип Беккер, – произнес человек и поправил очки, сдвинув их на переносицу.

Харри попытался поймать его взгляд, чтобы составить первое впечатление о возможном подозреваемом, но глаз за сверкающими стеклами видно не было.

– Я дал себе труд обзвонить всех, с кем она могла бы связаться, но никто ничего не знает, – заявил Филип Беккер. – А вам что-нибудь известно?

– Ничего. Но вы нам очень поможете, если скажете, все ли чемоданы и рюкзаки на месте. – Харри внимательно посмотрел на Беккера и продолжил: – Тогда мы сможем понять, было ли исчезновение спонтанным или запланированным.

Беккер выдержал оценивающий взгляд Харри, кивнул и отправился на второй этаж.

Харри присел на корточки перед Юнасом, который продолжал смотреть в погасший экран телевизора.

– Значит, ты за водомерок? – спросил он.

Мальчик покачал головой.

– Почему? – сказал Харри.

– Мне жалко волка, – ответил тот еле слышным шепотом.

Через пять минут появился Беккер и сообщил, что ничего не пропало: ни дорожные сумки, ни одежда, за исключением той, что была на ней, плюс, конечно, пальто, сапоги и шарф.

– Хм. – Харри почесал небритый подбородок и покосился на Эббу Бендиксен. – Давайте пройдем с вами в кухню, Беккер.

Беккер пошел вперед, и Харри успел отсемафорить Катрине, чтобы она двигалась за ним. Оказавшись в кухне, профессор устремился к кофеварке и принялся засыпать в нее кофе и наливать воду. Катрина остановилась у двери, а Харри прошел к окну и выглянул на улицу. Голова у снеговика совсем провалилась в плечи.

– В котором часу вы вчера выехали из дома и каким рейсом летели в Берген? – спросил Харри.

– Я выехал около половины десятого, – ответил Беккер без промедления. – Рейс был в пять минут двенадцатого.

– Вы звонили Бирте после того, как вышли из дома?

– Нет.

– Как вы думаете, что произошло?

– Понятия не имею, инспектор. Действительно не имею ни малейшего понятия.

– Хм. – Харри снова взглянул в окно. За все время, что он тут находился, мимо не проехало ни одной машины. На редкость тихое место. Причем обошлась тишина в этом районе города не меньше чем в два миллиона крон. – Какие у вас были отношения с женой? – Он прислушался к возне Филипа Беккера и прибавил: – Я обязан спросить вас об этом, потому что истории со сбежавшими супругами встречаются сплошь и рядом.

Филип Беккер кашлянул:

– Могу вас заверить, инспектор, у нас с женой были замечательные отношения.

– А может так быть, что у нее есть знакомства, о которых вы не знаете?

– Это исключено.

– «Исключено» – довольно сильно сказано, Беккер. Внебрачные связи – обычное дело.

Филип Беккер слабо улыбнулся:

– Я не так наивен, инспектор. Бирта – привлекательная женщина, к тому же намного моложе меня. Причем родом из семьи довольно свободных нравов, надо отметить. Но она не такая. И у меня довольно полное представление о том, что, так сказать, хранится в ее сундуках.

Харри открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут кофеварка грозно зарычала. Он передумал и сменил тему:

– Вы не замечали, бывали у вашей жены резкие смены настроения?

– Бирта не склонна к депрессии, инспектор. Она не пошла вешаться в лес и не бросилась в море. Она куда-то пропала, но она жива. Я читал, что люди то и дело пропадают, а затем возвращаются, причем этому находят естественные и довольно банальные объяснения, не так ли?

Харри медленно кивнул:

– Вы не будете против, если мы осмотрим дом?

– Зачем?

Вопрос был задан резким, почти агрессивным тоном, позволившим Харри понять: этот человек привык командовать. И во всем контролировать своих близких. Как же получилось, что его жена исчезла из дома, не сказав, куда направляется?.. Да и какая благополучная нормальная мать бросит посреди ночи десятилетнего сына? Что-то тут определенно не так.

– Иногда мы сами не знаем, что ищем, пока не найдем, – ответил Харри. – Такая практика.

И в это мгновение ему удалось наконец поймать взгляд Беккера, прятаящийся за стеклами очков. В отличие от сына глаза у него были светло-голубые, и в них явственно читалась ложь.

– Ну тогда извольте, – разрешил Беккер.

В спальне было прохладно и чисто. Ничем не пахло. На двуспальной кровати лежало вязаное покрывало. На одной тумбочке стояла фотография пожилой женщины. Ее сходство с Филипом Беккером подсказало Харри, что это его половина постели. На другой тумбочке стояла фотография Юнаса. В шкафу с женскими платьями витал слабый аромат духов. Харри заметил, что вешалки висят на равном расстоянии друг от друга, как будто каждая желает, чтобы ее оставили в покое. Черные юбки, тертые короткие джинсы с цветами и блестками. В низу шкафа были ящики. Харри выдвинул верхний. Белье. Черное и красное. Следующий ящик. Чулки и пояса. Третий ящик. Украшения в специальном ярко-красном фетровом держателе с прорезями. Взгляд Харри упал на большой сверкающий перстень с яркими камнями. Ящик был похож на крошечный Лас-Вегас. Ни единой пустой прорези.

Из спальни дверь вела в недавно отремонтированную ванную с душевой кабиной и стальной стойкой для раковины.

В комнате Юнаса Харри сел на маленький стул возле маленькой парты. На парте лежал калькулятор со сложными математическими функциями. Он был новенький, как будто его никто никогда не использовал. Над партой висел плакат: семь дельфинов в волнах – и календарь на весь год. Некоторые даты были обведены кружочками и подписаны печатными буквами. Харри прочитал о днях рождения мамы, бабушки, о поездке в Данию, о зубном враче в десять часов. Две даты в июле были отмечены словом «доктор». Памяток о футбольных матчах, о премьерах фильмов или о днях рождения друзей Харри не увидел.

Тут он боковым зрением заметил розовый шарф, лежащий на кровати. Пожалуй, это не тот цвет, которым хотел бы украсить себя паренек такого возраста. Харри взял шарф. Он был влажный, и до Харри донесся легкий запах волос, кожи и духов. Тех же самых, какими пахло в шкафу в спальне.

Он снова спустился на первый этаж. Остановился возле кухни, где Скарре продолжал задавать стандартные для расследования дела об исчезновении вопросы. Позвякивали кофейные чашки. Диван в гостиной казался огромным, возможно, из-за тщедушного существа, которое сидело там, уткнувшись в книгу. Харри подошел ближе и увидел в ней фотографию Чарли Чаплина во весь рост. Харри присел рядом.

– А ты знаешь, что Чаплин – английский дворянин? Сэр Чарльз.

Юнас кивнул:

– Но они все равно вышвырнули его в США.

Юнас перелистал книгу.

– Ты болел этим летом, Юнас?

– Нет.

– Но ты же был у доктора. Два раза.

– Мама просто хотела, чтобы меня осмотрели. Мама... – Голосок вдруг дрогнул.
– Ты скоро снова ее увидишь, – утешил мальчика Харри и положил ладонь на худенькое плечико. – Она же не взяла с собой розовый шарф. Тот, что лежит у тебя в комнате.
– Его кто-то повязал на шею снеговiku, – тихо произнес Юнас. – А я забрал обратно.
– Это, наверное, мама не хотела, чтобы снеговик замерз.
– Она бы никогда не отдала свой любимый шарф снеговiku.
– Ну, может быть, это сделал папа.
– Нет, это сделал кто-то другой, после того как он уже уехал. Ночью. Тот, кто украл маму.

Харри медленно кивнул:

– А кто этого снеговика скатал, Юнас?

– Не знаю.

Харри посмотрел в окно. Вот почему он приехал сюда сам, а не послал кого-нибудь из сотрудников. Ему почудилось, будто через всю комнату прошла ледяная трещина.

Харри и Катрина сели в машину и отправились вниз по улице Хиркедалсвейен по направлению к Майорстуа.

– Что вы первым делом отметили, когда мы приехали? – обратился Харри к напарнице.

– То, что там живут далеко не родственные души, – ответила Катрина, пролетая на всех парах пункт въезда на платную дорогу. – Скорее всего, у них несчастливый брак. Вдобавок заправляет в семье муж.

– Хм. А почему вы так подумали?

– Ну, это же совершенно очевидно, – улыбнулась Катрина и взглянула в зеркало заднего вида. – Разница во вкусах.

– Поясните.

– Вы видели этот безобразный диван и столик в гостиной? Типичная мебель «под девятнадцатый век», купленная человеком двадцатого века. Но обеденный стол из беленого дуба с алюминиевыми ножками выбирала она. К тому же это «Витра».

– Что за «Витра»?

– Фирма. Швейцарская. Дорогая. Такая дорогая, что, если бы она купила вполне приличные копии, а не оригинал, сэкономила бы на обстановку для всей этой чертовой гостиной.

Харри отметил про себя, что чертыхнулась Катрина не так, как это делают обычно. В ее устах ругательство звучало неким языковым контрапунктом, который лишний раз подчеркивал ее принадлежность к высшему классу.

– Ну и что?

– Понятно, что в таком крутом домище, да еще в таком районе Осло деньги – не вопрос. Но ей не позволили сменить его диван и столик. А когда человек без вкуса, но с явным интересом к вопросам интерьера настаивает на своем, это делает понятным, кто в доме хозяин.

Харри кивнул, больше своим собственным мыслям. Первое впечатление его никогда не обманывало. Катрина Братт оказалась молодцом.

– Теперь расскажите, что *вы* думаете, – попросила она. – Это же я вроде как должна у вас учиться.

Харри скользнул глазами по старой, богатой традициями, но все же абсолютно нереспектабельной забегаловке под названием «Лепсвик»:

– Я думаю, Бирта Беккер покинула дом не по своей воле.

– Но ведь никаких следов насилия нет!

– Потому что все было хорошо спланировано.

– А кто же преступник? Муж? Чаще всего так оно и бывает, правда?

– Ну да, – ответил Харри, ощущая, как мысли растекаются в разные стороны. – Виноват всегда муж.

– Только вот этот конкретный муж был в Бергене.

– Да, похоже на то.

– Причем улетел последним рейсом, так что никак не мог вернуться домой, а потом успеть на раннюю лекцию. – Катрина поддала газу и проскочила перекресток возле Майор-стуа на желтый. – Если бы Филип Беккер был виновен, он бы схватил наживку, которую вы ему бросили.

– Наживку?

– Да. Когда вы спросили, бывали ли у нее смены настроения. Вы дали Беккеру понять, что подозреваете самоубийство.

– И что?

– Да ладно, Харри! – громко рассмеялась она. – Все вокруг, включая Беккера, знают, что, когда речь идет о самоубийстве, полиция привлекает к расследованию минимум сотрудников. Вы дали ему возможность подкрепить версию, которая – если бы он был виновен – была бы ему на руку и решила большинство его проблем. Но он четко ответил вам, что его половина радовалась жизни по полной.

– Угу. То есть вы считаете, что мой вопрос был «проверкой на вшивость»?

– Вы же постоянно проверяете людей, Харри. И меня тоже.

Харри не отвечал, пока они не доехали до улицы Бугстадвейен, и лишь тогда произнес:

– Люди частенько оказываются гораздо умнее, чем о них думаешь, – и замолчал. Когда они припарковались возле Полицейского управления, он сообщил: – До конца дня я буду работать один.

А сказал он это потому, что все это время думал о розовом шарфе и наконец принял решение: взять у Скарре материалы по делам об исчезновении людей, чтобы получить подтверждение своим мучительным подозрениям. Если подозрения подтвердятся, отнести письмо комиссару Гуннару Хагену. То самое, проклятое письмо.

Глава 5

4 ноября 1992 года. Тотемный столб

Когда 19 августа 1946 года в Арканзасе, в небольшом городишке Хоуп, то бишь Надежда, на свет появился Уильям Джефферсон Блайт III, прошло уже почти три месяца с тех пор, как его отец погиб в автомобильной катастрофе. Четыре года спустя мать Уильяма опять вышла замуж, и Уильям взял фамилию нового отца. А теперь, сорок лет спустя после этих событий, стояла ноябрьская ночь 1992 года и белое конфетти снега падало с небес на улицы Надежды, празднуя победу городишкиных собственных надежд, ибо его уроженец, Уильям – или просто Билл – Клинтон, был избран сорок вторым президентом США.

А вот снег, что падал той же ночью на город Берген, не успевал даже долететь до земли и превращался в дождь, который поливал улицы, как будто стояла середина сентября. Однако, когда настало утро, вершины семи гор, что охраняют этот прекрасный город, были хорошенько присыпаны сахарной пудрой. И на самой высокой горе – Ульрикен – уже находился инспектор полиции Герт Рафто. Он, дрожа, вдыхал горный воздух и втягивал в плечи большую голову; столько морщин пролегло на его лице, словно его кто-то смял, как ненужный листок бумаги.

Желтый вагончик, который доставил Рафто и троих его коллег-криминалистов из Управления криминальной полиции Бергена на высоту 642 метра над городом, висел, слегка раскачиваясь в ожидании, на прочных стальных тросах. Фуникулер закрыли, как только в полицию позвонили первые туристы, решившие побывать этим утром на известной горной вершине.

– Елки зеленые! – воскликнул один из криминалистов.

Это выражение прозвучало как пародия «понаехавших» на истинный бергенский диалект, что было особенно смешно, если учесть, что настоящие бергенцы давно так не говорят. Но в ситуациях, когда ужас и тошнота берут над человеком верх, как-то сами собой вылезают старые, родные словечки.

– Да уж, зеленые, – с сарказмом поддакнул Рафто, сверкнув глазами из-под морщинистых век.

Тело, лежавшее перед ними на снегу, было так искромсано, что его пол можно было угадать только по единственной оставшейся груди. Все прочее превратилось в месиво. Страшное зрелище этих останков напомнило Рафто автомобильную аварию, что произошла год назад на Эйдсвогнесе, когда машина перескочила через алюминиевый отбойник и влетела во встречный автомобиль.

– Преступник убил и расчленил ее прямо здесь, – заметил другой криминалист.

Рафто взглянул на снег, на котором лежало тело, и дальнейших объяснений не понадобилось: он был весь залит кровью, и по длинным дорожкам брызг стало понятно, что по меньшей мере одна артерия была перерезана, пока сердце еще работало. Он отметил про себя, что надо бы точно установить, в котором часу ночи снегопад прекратился. Последний фуникулер пришел сюда в пять часов вечера. Хотя, конечно, убийца с жертвой могли подняться сюда и по тропинке, что змеилась внизу под фуникулером. Или, например, доехали до соседней горы Флэйен на поезде и оттуда уже пришли сюда. Но это слишком продолжительная прогулка, да и нутром он чувствовал, что до места они добирались в фуникулере.

На снегу виднелись следы двух человек. Маленькие, несомненно, принадлежали женщине, хотя ее обуви нигде не было видно. Ну а другие следы, очевидно, оставил убийца. И они вели к тропинке.

– Большой размер, – отметил молодой криминалист, худошавый провинциал с острова Сотра. – По меньшей мере сорок восьмой. Значит, рослый мужик.

– Необязательно, – заметил Рафто и потянул носом воздух. – Отпечатки неравномерные, это видно вот тут, на ровном месте. Значит, ботинки ему велики. Возможно, он хотел нас обмануть.

Рафто почувствовал, что все взгляды обратились к нему. И он знал, о чем они думают: стоит тут и выпендривается, звезда хренова, любимчик журналистов: квадратная челюсть, харя как кирпич и соответствующая хватка. Коп как таковой, будто специально созданный для газетных заголовков. Впрочем, может, и не думают: с тех пор как он считался звездой, много воды утекло. В какой-то момент он внутренне перерос их всех: и прессу, и коллег. И тогда ему стали намекать, что он думает только о своем месте в лучах софитов, что из эгоизма прошелся по головам слишком многих своих товарищей по работе. Да и к работе, шептали у него за спиной, он относится, прямо сказать... Но Рафто об этом не слишком беспокоился. Нет у них ничего против него. Ну да, бывало, исчезали кое-какие вещественные доказательства с места преступления. Украшения там или часы, принадлежавшие убитому, но такими вещами наверняка никто не захотел бы владеть. Однажды коллега Рафто искал свою ручку и случайно – так он, по крайней мере, заявил – выдвинул ящик его стола. И нашел там три колечка. Рафто вызвали к комиссару для объяснений и попросили сидеть тихо и ни во что не вмешиваться. Вот и все. Но слухи уже поползли. Даже кое-кому из журналюг доложили о случившемся. Наверное, поэтому не стоит удивляться, что, когда года два назад в управлении начались проверки на предмет полицейского произвола, нашелся только один человек, о котором немедленно была подана докладная, – человек, созданный для первой полосы газет.

Никто и не сомневался, что обвиняли Герта Рафто не напрасно. Однако все при этом знали, что инспектор стал козлом отпущения в отделе, который в течение долгих лет был закован в вполне определенной традиции. Вот почему в рапортах за его подписью – преимущественно о допросах наркоторговцев и насильников детей – было сказано, что, мол, арестант навернулся со старой лестницы, ведущей вниз, в камеры предварительного заключения, отчего и получил пару синяков.

Газеты были безжалостны. Прозвище, которое ему когда-то дали – Железный Рафто, – было, конечно, не самым оригинальным, но именно поэтому встречалось не слишком часто. А теперь оно получило новое значение. Журналисты взяли интервью у множества его старинных врагов по обе стороны закона, а уж они-то, конечно, как могли раздули все обвинения. Так что, когда дочь Рафто пришла из школы в слезах и сказала, что ее дразнят «железной лестницей», жена инспектора заявила, чтобы он не ждал, что она будет сидеть и смотреть, как из-за него всю семью поливают грязью. Ну а он, как это часто бывало, несколько утратил самообладание, после чего она забрала дочь и в этот раз к нему не вернулась.

Но и в это непростое время он не забывал, кто он есть. Железный Рафто. А когда карантин кончился, он втопил на полную и работал день и ночь, чтобы вернуть утерянные позиции. И хотя успех был на его стороне, ему не удалось заставить всех – и коллег, и журналистов – забыть о том, что они так отчаянно пытались доказать. Все отлично помнили фотографии избитых людей в наручниках. Но он им покажет. Он докажет, что Герт Рафто не тот человек, который позволит закопать себя раньше времени. Что город там внизу – его город и принадлежит ему, а не этим бабам-белоручкам, которые называются спецами по социальным проблемам и сидят по своим кабинетам, высунув языки – такие длинные, что ими они достают аж до задниц местных депутатов и партийных журналистов.

– Сфотографируйте и займитесь опознанием, – приказал Рафто криминалисту с фотоаппаратом.

– Да кто же сможет такое опознать? – показал пальцем на тело молодой человек.

Его тон Герту не понравился.

– Кто-то наверняка уже заявил или вот-вот заявит о том, что пропала женщина. Просто сопоставь. Понял, пионер?

Рафто поднялся на вершину и оттуда взглянул на то, что только из желания обозначить разницу в высоте называли «плато». Его взгляд скользнул по окрестностям и остановился на расположенном неподалеку холме, на вершине которого стояло нечто напоминающее человеческую фигуру. Фигура не двигалась. Может, пирамида из камней? Рафто прищурился. Он тут бывал тысячи раз – гулял с дочерью и женой, – но никакой пирамиды не припомнит. Он спустился к фуникулеру, переговорил с водителем и позаимствовал у него бинокль. Через пятнадцать секунд он увидел, что это никакая не пирамида, а три больших снежных кома, которые кто-то положил один на другой.

Район Фьелльсиден Рафто никогда не нравился. Он не понимал, что уж такого «живописного» в здешних избушках – без теплоизоляции, с крошечными потайными лестницами и подвальчиками, куда никогда не проникает солнечный свет. Но избушки эти раскупались детками богачей за многие миллионы: модники гнались за аутентичным бергенским жильем, а сами все там так отштукатурили, что от исконной атмосферы не осталось и следа. Нынче тут было не слышать шлепанья детских ножек по дощатому полу: цены выдавили молодых ребят и семьи с маленькими детьми на другую сторону горы, и в Фьелльсидене царили пустота и тишина, как в каком-нибудь торговом районе. И все-таки у Рафто было ощущение, что за ним следят. С ним он шагнул на каменную лестницу и нажал на звонок.

Дверь почти сразу открылась, и на инспектора вопросительно уставилось бледное испуганное женское лицо.

– Онни Хетланн? – спросил Рафто и протянул руку с удостоверением. – Я по поводу вашей подруги Лайлы Осен.

Квартирка оказалась крошечной и с совершенно невозможной планировкой: ванная располагалась напротив кухни, и при этом между гостиной и спальней. Узорчатые, цвета красного вина, обои в гостиной не помешали Онни Хетланн впихнуть туда диван и кресло в оранжево-зеленых тонах, а на свободных местах (которых, впрочем, осталось немного) она сложила стопки журналов, штабеля книг и дисков. Рафто миновал кота и его перевернутую миску и очутился на диване. Онни Хетланн села в кресло и принялась накручивать на палец цепочку, на которой висел зеленый камень с черными прожилками. Наверное, фальшивый. А может, так и задумывалось.

Онни Хетланн узнала о гибели подруги от гражданского мужа Лайлы, Бастиана, вчера утром, но трагическое выражение все еще не покинуло ее лица. Рафто, не обращая на это внимания, беспощадно выложил неаппетитные детали.

– Ужасно, – прошептала Онни Хетланн. – Об этом Бастиан ничего не сказал.

– Да, мы не хотим пока выносить сор из избы, – пояснил Рафто. – Бастиан говорит, вы были лучшей подругой Лайлы.

Онни кивнула.

– Вам известно, что Лайла могла делать на вершине Ульрикена? Ее муж ничего об этом не знает, он вчера вместе с детьми был у бабушки во Флорё.

Онни отрицательно покачала головой. Этот жест, казалось бы, не оставлял ни малейшего сомнения. Да вот беда: прежде чем покачать головой, она замешкалась. На сотую долю секунды. И этого Герту Рафто было достаточно.

– Фрёкен Хетланн, речь идет об убийстве. Надеюсь, вы понимаете, насколько это серьезно и как вы рискуете, если не расскажете мне все, что вам известно?

Она по-бульдोजьи уставилась на полицейского. Он сменил тон:

– Если вы полагаете, что блюдете интересы ее семьи, то вы ошибаетесь. Такие вещи становятся известны несмотря ни на что.

Онни сглотнула слюну. Перепугалась, судя по виду. Причем выглядела испуганной, еще когда открывала дверь. И тогда он дал ей последний пинок – пустил в ход пустяковую угрозу, которая, впрочем, удивительным образом действовала и на виновных, и на невиновных:

– Вы можете рассказать мне все здесь и сейчас или проехать вместе со мной в участок для допроса.

Глаза Онни Хетланн наполнились слезами, голос был едва слышен:

– Она должна была там кое с кем встретиться.

– С кем?

Женщина всхлипнула:

– Лайла сказала мне только, как его зовут и кем он работает. Но это была тайна, ее никто не должен был узнать. Особенно Бастиан.

Чтобы скрыть ярость, Рафто пришлось уткнуться в блокнот.

– Назовите имя и место работы, – выдавил он.

Он записал все, что она сказала, в блокнот.

Внимательно изучил написанное. Довольно обычное имя. И работа тоже довольно обычная. Но поскольку Берген – город маленький, подумал он, этого должно быть достаточно. Он всем своим существом чувствовал, что взял нужный след, – под «всем существом» Герт Рафто подразумевал тридцатилетнюю службу в полиции и глубокое знание человеческой натуры, основанное на присущей ему природной мизантропии.

– Вы должны мне кое-что пообещать, – обратился Рафто к подруге убитой. – Ни одной живой душе вы не откроете того, что только что мне рассказали. Никому из членов семьи. Ни одному журналисту. И даже другим полицейским, с которыми придется разговаривать. Вы меня поняли?

– Даже... полиции?

– Вот именно. Расследование веду я. И мне необходим полный контроль над тем, кто владеет этой информацией. Пока я не дам вам других указаний, вы ничего не знаете.

Наконец-то, подумал Рафто, спускаясь с крыльца по каменной лестнице. Окно в полу-подвальчике сверкнуло, приоткрывшись, и у него вновь появилось ощущение, что за ним наблюдают. Ну и что? Реванш будет за ним. За ним одним. Герт Рафто застегнул пальто и победоносно двинулся по блестящим улицам к центру, не замечая редкого дождика.

В пять вечера небо над Бергеном прохудилось окончательно. А на столе перед Рафто уже лежал список фамилий, полученный из Департамента труда. Он принялся искать кандидатов с подходящим именем. Таких оказалось всего трое. Он вернулся от Онни Хетланн два часа назад и теперь подумывал, что совсем скоро будет знать, кто убил Лайлу Осен. Дело раскрыто менее чем за двенадцать часов. Раскрыто им, и никем больше. Потому он самолично проинформирует прессу. Столичные журналисты уже перемахнули через горы и обосновались в полицейском управлении. Начальник Управления криминальной полиции сделал заявление, что детали, касающиеся убийства, официально сообщены не будут, но стервятники успели почуять кровь.

– Наверное, утечка информации, – пробормотал начальник, глядя на Рафто.

Но тот не только не проронил ни слова, он даже не сиял тем лоском, какой требуется, чтобы попасть в заголовки. А пока журналисты сидели и ждали, готовые строчить свои статьи. Скоро, скоро Герт Рафто снова станет королем Полицейского управления города Бергена.

Он убавил звук радио, по которому Уитни Хьюстон во весь голос настаивала на том, что всегда будет любить его, но прежде чем он успел снять трубку, телефон зазвонил.

– Рафто! – буркнул он раздраженно и нетерпеливо.

– Я тот, кого ты ищешь.

Несчастный инспектор тотчас понял, что это не блеф и не ошибка. Понял по голосу: тот был полон ледяного спокойствия, а четкая внятная дикция исключала вариант с сумасшедшим или пьяным. К тому же в голосе было что-то еще, чего инспектор никак не мог пока ухватить.

Рафто громко кашлянул пару раз – выиграл немного времени.

– С кем я говорю? – спросил он, чтобы показать, что вывести его из себя не удалось.

– Сам знаешь.

Рафто прикрыл глаза и глухо, но с чувством выругался. Черт, черт, преступник решил проявиться! И как раз в тот момент, когда Рафто собирался арестовать причастного к делу человека! Теперь весь эффект пропадет.

– А с чего ты взял, что я ищу именно тебя? – спросил полицейский сквозь зубы.

– Знаю, и все, – ответил голос. – И если сделаем так, как я скажу, ты сможешь получить то, что хочешь.

– А что я хочу?

– Ты хочешь арестовать меня. И ты сможешь это сделать. Сам. Понимаешь теперь, Рафто?

Инспектор кивнул и только потом собрался с силами и выдавил:

– Да.

– Встретимся у тотемного столба в парке Нурнес, – произнес голос. – Примерно через десять минут.

Рафто попытался раскинуть мозгами. Парк находится возле Аквариума, за десять минут он туда успеет. Но почему он хочет встретиться именно там, на самом краю Нурнес-парка, на мысу, выходящем в море?

– Чтобы я мог видеть, что ты пришел один, – сказал голос, отвечая на его мысли. – Если увижу других полицейских или если опоздаешь, я исчезну. Навсегда.

Мозг Рафто работал: вычислял, сопоставлял, делал выводы. Группу захвата поднять он не успеет. Причем именно это можно будет внести в рапорт как причину того, что он был вынужден провести арест самостоятельно. Идеально.

– Отлично, – сказал Рафто. – И что будет, когда я приду?

– Я расскажу тебе все, ты выслушаешь мои условия, и я сдамся.

– Какие условия?

– На суде я буду без наручников. Слушание будет закрытым для прессы. И сидеть я буду там, где мне не придется общаться с другими заключенными.

Рафто снова прокашлялся.

– Отлично, – согласился он наконец и посмотрел на часы.

– Подожди, у меня еще условия. Телевизор в камере и любые книги, какие я захочу.

– Все получишь, – заверил Рафто.

– Как только подпишешь соглашение, где изложены все мои требования, я твой.

– Что за... – начал Рафто, но короткие гудки в трубке возвестили о конце разговора.

Рафто припарковался у верфи. Это был не самый короткий путь, но отсюда обзор был лучше. По огороженной территории большого парка были протоптаны тропинки, тут и там виднелись холмы, покрытые желтой увядшей травой. Деревья топорщили свои черные пальцы, тянулись к тяжелому небу, которое наплывало с моря позади Аскёй. Какой-то человек спешил за нервным ротвейлером на натянутом поводке. Проходя мимо купальни, Рафто нащупал «смит-вессон» в кармане пальто. Купальня была пуста – огромное белое корыто, притулившееся у кромки моря и похожее на гигантскую ванну.

За поворотом, метрах в десяти, Рафто различал высокий тотемный столб – дар Сизтла Бергену на девятисотлетие. Он слышал свое дыхание и чавканье мокрой листвы под подошвами. Начался дождь. Маленькие колкие капельки впивались в лицо.

Единственный человек, стоявший возле тотемного столба, смотрел именно в сторону Рафто, как будто точно знал, что тот появится с этой стороны, а не с другой.

Подходя к столбу, Рафто сжал в кармане револьвер. Человек жестом остановил его в двух метрах от себя. Дождь заливал глаза, Герт сощурился и потряс головой. Этого не может быть.

– Удивлен? – спросил голос, который ему только сейчас удалось узнать.

Рафто не ответил. Мозг заработал с новой силой.

– Ты думал, что знаешь меня, – продолжал голос. – А на самом деле это я тебя знаю. Вот почему мне было очевидно, что ты захочешь все сделать сам.

Рафто смотрел на человека не мигая.

– Это игра, – сказал человек.

– Игра? – прохрипел Рафто.

– Ну да. Ты же любишь всякие игры.

Рафто подвигал в кармане рукой с зажатым револьвером, чтобы убедиться, что он не зацепится за подкладку, когда придется рывком вытащить его оттуда.

– Почему именно я? – спросил он.

– Потому что ты лучший. Я играю только против лучших.

– Ты псих, – прошептал Рафто и тут же пожалел об этом.

– Ну, в этом я не сомневаюсь, – улыбнулся человек. – Но ты тоже псих, дорогуша. Мы все психи. Безвольные призраки, которые никак не могут найти путь в свою обитель. И так было всегда. Ты знаешь, почему индейцы ставили эти штуки?

Человек постучал костяшкой указательного пальца по деревянному столбу, на котором были вырезаны фигуры. Они сидели на корточках, одна на другой, и смотрели на залив немигающими и невидящими черными глазами.

– Чтобы удерживать души, – продолжал человек. – Чтобы они не разбредались кто куда. Но тотемные столбы гниют. И этот сгниет, вот в чем дело. И тогда душе надо искать себе новое пристанище. Может, маску. Или зеркало. Или только что родившегося ребенка.

Из Аквариума, из загона для пингвинов, донесся резкий хриплый птичий крик.

– Расскажешь, почему тебе пришлось убить ее? – спросил Рафто пингвиньим хриплым голосом.

– Жаль, что игра уже окончена, Рафто. Было забавно.

– А как тебе стало известно, что я напал на твой след?

Человек поднял руку, и Рафто автоматически сделал шаг назад. На ладони у человека что-то висело. Цепочка с большим камнем в форме слезы, зеленым, с черными прожилками. Сердце Рафто глухо ударило в ребра.

– Онни Хетланн определенно следовало держать язык за зубами. Но она позволила себе... как бы это сказать... проговориться.

– Лжешь, – выдохнул Рафто.

– Она сказала, что ты запретил ей сообщать что-либо твоим коллегам. И вот тогда-то мне стало понятно, что ты наверняка примешь мое приглашение и придешь сюда один. Потому что ты подумал, что это будет новое пристанище для твоей души, новое воплощение. Разве не так?

Холодный дождь тяжелыми каплями лег на лицо Рафто как пот. Он положил палец на спусковой крючок револьвера и произнес четко и сдержанно:

– Ты выбрал плохое место. Ты стоишь спиной к морю, а там внизу полицейские машины уже перекрыли все въезды и выезды отсюда. Проскользнуть не удастся.

Человек втянул в себя воздух:

– Чувствуешь запах, Герт?

– Какой запах?

– Страх. У адреналина довольно отчетливый запах. Ну да ты наверняка все об этом знаешь. Наверняка помнишь: так же пахло от арестованных, которых ты бил. И от Лайлы пахло так же. Особенно когда она увидела, какими инструментами я собираюсь воспользоваться. А от Онни пахло еще сильнее. Думаю, оттого, что ты рассказал ей, как умерла Лайла, и она, едва увидев меня, поняла, что ждет ее сама. Весьма возбуждающий запах, неужели ты его не чувствуешь? В какой-то книге я читал, что именно по этому запаху хищники находят свою жертву. Только представь: дрожащая жертва пытается спрятаться, но понимает, что запах собственного страха убьет ее.

Рафто смотрел на руки человека, спокойно висевшие по бокам. Оружия в них не было. Еще не стемнело, они находятся недалеко от центра города, одного из крупнейших в Норвегии... В последние годы он не пил и привел себя в хорошую физическую форму. Реакция стала быстрой, да и техника ближнего боя у него на уровне. Достать револьвер – дело одной секунды. Но почему же он напуган так, что у него стучат зубы?

Глава 6

День второй. Сотовый телефон

Инспектор Магнус Скарре откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза – сразу возникла стоящая к нему спиной фигура человека в костюме. Он открыл глаза и взглянул на часы. Шесть. Ну все, теперь, весь день потратив на процедуру сбора информации о пропавшей, он заслужил небольшую паузу. Скарре обзвонил все больницы, спрашивая, не поступала ли к ним Бирта Беккер. Позвонил в службу такси – общенорвежскую и столичную – и проверил маршруты, по которым они работали прошлой ночью в районе Хофф. Переговорил с банком пропавшей, где ему подтвердили, что она не снимала крупных сумм со счета перед тем, как исчезнуть, в ночь исчезновения, а также на следующий день. Полицейские, охранявшие столичный аэропорт, просмотрели списки пассажиров за вчерашний вечер, но фамилия Беккер встречалась там единожды: это был муж пропавшей, Филип, который летел бергенским рейсом. Скарре даже побеседовал с представителями фирм, чьи паромы вчера уходили в Англию и Данию, хотя пропавшая вряд ли могла пересечь границу: муж нашел дома ее паспорт и показал его следователям. Дотошный инспектор разослал по отелям Осло и Акерсхуса факс с описанием внешности Бирты Беккер и сообщил данные по ней всем патрульным автомобилям в столице.

Оставалось только одно – пробить мобильный.

Магнус позвонил Харри и доложил о проделанной работе. Тот тяжело дышал, в трубке слышался птичий гай. Харри задал несколько вопросов о мобильном телефоне и отключился. Скарре встал и вышел в коридор. Дверь в кабинет Катрины Братт была открыта, там горел свет, но внутри никого не было. Он поднялся на этаж выше, в столовую.

Кухня уже не работала. На сервировочном столике перед дверью стоял термос с остывшим кофе, сухарики и варенье. В столовой сидело всего четыре человека, зато одним из них оказалась Катрина Братт. Она устроилась за стоящим возле стены столом, углубившись в папку с документами. Перед ней стоял стакан воды, подальше лежал открытый пакет с бутербродами. Читала Катрина в очках. Тонкие линзы, тонкая оправа – на лице их почти не было видно.

Скарре плеснул себе кофе и направился к ней.

– Плановые сверхурочные? – Он уселся рядом.

Послышалось это Магнусу Скарре или он и в самом деле услышал вздох сожаления? Катрина оторвала взгляд от документа и взглянула на него.

– Знаете, как я догадался? – улыбнулся он и кивнул на пакет с едой. – Приготовили еще дома. То есть вы знали, что столовая закроется в пять, а вам придется сидеть тут гораздо дольше. Вы извините, но я же следователь. Мы все такие.

– Да ну? – произнесла она безразлично и вернулась к своим документам.

– Ага, – подтвердил Скарре, отхлебнул кофе и принялся ее разглядывать.

Она сидела, слегка наклонясь вперед, так что он без труда видел вырез блузки и даже белое кружево лифчика.

– Взять сегодняшнее дело о пропавшей женщине. Я знаю только то, что знают все. Но я думаю, что эта женщина все еще в Хоффе. Возможно, лежит где-нибудь там, под слоем снега или старых листьев. Или в озерке каком-нибудь, или, например, в ручье – их там много.

Катрина Братт молчала.

– А знаете, почему я так думаю?

– Нет, – ответила она без всякого выражения, даже не оторвав взгляда от своей папки.

Скарре перегнулся через стол и положил перед ней мобильный. Катрина подняла на инспектора недоумевающий взгляд.

– Это мобильный телефон, – доверительно сообщил он. – Вы, вероятно, считаете, что это недавнее изобретение. А между тем отец мобильной телефонии Мартин Купер еще в апреле тысяча девятьсот семьдесят третьего года осуществил первый разговор по мобильному. Он позвонил домой своей супруги. Тогда он, конечно, даже и не догадывался, что его изобретение станет одним из важнейших средств, с помощью которых полицейские смогут находить пропавших людей. Если хотите стать хорошим следователем, Братт, нужно прислушиваться к более опытным коллегам и впитывать полученные от них знания.

Катрина сняла очки и посмотрела на Скарре с легкой улыбкой:

– Я вся внимание, инспектор.

– Вот и хорошо, – поощрил ее Скарре. – Потому что это важно, ибо Бирта Беккер была владелицей мобильного телефона. А мобильный телефон посылает сигнал, который принимается базовой станцией того района, в котором этот мобильный находится. И не только тогда, когда мы звоним, но и когда телефон включен. Вот почему американцы сначала называли их *cellular phone* – «сотовыми». Потому что сигнал покрывает некоторое пространство, район, то есть как бы соту, ячейку. И там его ловит местная станция. Я связался с телефонной компанией. Станция, относящаяся к Хоффу, по-прежнему принимает сигнал телефона Бирты. А ведь мы обыскали весь дом, и телефона там не было. И уж вряд ли она потеряла его возле дома – таких случайностей не бывает... Такие вот дела. – Скарре жестом иллюзиониста, благополучно завершившего фокус, поднял руки вверх. – Допью кофе и звякну оперативникам: пусть высылают поисковую группу.

– Удачи, – произнесла Катрина, протянула ему мобильный и вернулась к своей папке.

– Это ведь одно из старых дел Холе, да? – спросил Скарре.

– Точно.

– Он думал, что это серийный убийца.

– Я знаю.

– Правда? Ну тогда вы наверняка знаете, что он ошибся. И не в первый раз, между прочим. Он просто двинулся на маньяках, наш Холе. Все думает, видать, что у нас тут Американа. А своего серийного убийцу все еще не поймал. В родном-то отечестве!

– В Швеции было поймано множество серийных убийц. Томас Куик, Йон Асуниус, Туре Хедин...

– Я смотрю, вы хорошо уроки учили, – улыбнулся Магнус Скарре. – Но раз уж вы не прочь научиться паре хороших приемов настоящего следователя, то предлагаю рвануть отсюда, взять по пиву...

– Спасибо, я не...

– ...и чего-нибудь перекусить. Пакетик-то ваш совсем маленький.

Тут наконец Скарре удостоился ее взгляда и с честью выдержал его. Он заметил в этом взгляде удивительный отблеск – будто где-то в глубине глаз запылал костер. Ничего подобного видеть ему еще не доводилось. «Ага, – обрадовался он, – а ведь это моя работа! Это от моего рассказа в ее глазах вспыхнул огонек интереса. По всему видать, мне удалось попасть на самый верх ее турнирной таблицы».

– Можете смотреть на это как... – начал Скарре и запнулся, подбирая слова, – как на курс повышения квалификации.

Она улыбнулась.

Скарре стало жарко, у него участился пульс. Вот-вот он обнимет ее, почувствует ее тело, ее затянутое в чулок колено, услышит звук, с которым его ладонь двинется выше.

– Чего ты, Скарре, хочешь? Пощупать новую дамочку, появившуюся в отделе? – Она улыбнулась еще шире, и огонь в глазах стал еще ярче. – Хочешь успеть ее трахнуть, да? Ты

как мальчишка на дне рождения: бросаешься на самый большой кусок торта, чтобы другим досталось поменьше?

У Магнуса Скарре челюсть так и отвисла.

– Дам-ка я тебе пару добрых советов, Скарре. Держись подальше от женщин, с которыми работаешь. Не трать время на то, чтобы слоняться по столовой и пить кофе, если – как ты утверждаешь – ты только что попал на след. И даже не пытайся убедить меня в том, что это ты звонил оперативникам. Потому что им звонил старший инспектор Холе. И это он начал поиски. Говорят, что он связался со спасателями, но они никого не прислали, решили, что для спасательной операции время уже вышло.

Катрина смяла пакет из-под бутербродов и бросила в мусорку за спиной Скарре. Не оглядываясь, он понял, что она не промахнулась. Она захлопнула папку и встала, но к тому времени Скарре уже успел собраться:

– Не знаю, что вы там себе нафантазировали, Братт. Вы замужняя женщина, хотя, может, вы чего-то там и недополучаете дома, раз решили, что такой мужчина, как я, станет... – Он не мог подобрать слова. Черт возьми, он не мог подобрать слова! – Да я только хотел кое-что тебе объяснить!

С лицом Катрины что-то произошло: будто распахнулась дверца топки и на него полыхнуло бушующим пламенем. Скарре был уверен: вот сейчас она его ударит. Но нет... не ударила. Впрочем, до него это дошло, только когда она снова заговорила, причем голос у нее был совершенно спокойный.

– Я приношу извинения, если неправильно вас поняла, – произнесла она с выражением лица, никоим образом не свидетельствующим об искреннем раскаянии. – Кстати, Мартин Купер звонил тогда не «супружнице», а своему конкуренту, Джоэлу Энджелу из «Лабораторий Белла». Как вы думаете, Скарре, зачем он это сделал? Чтобы кое-что ему объяснить? Или просто похвастаться?

Скарре смотрел ей вслед. Когда Катрина поворачивала к выходу из столовой, костюмчик так обтянул ее задницу, что Скарре потянуло встать и отправиться следом. Черт, сумасшедшая баба!.. Но нет, встречаться с ней пока не стоит. К тому же все равно придется посидеть здесь еще немного: зачем ему привлекать внимание к своей вздыбившейся ширинке?

Харри чувствовал, что легкие вот-вот упрутся в ребра. Но дыхание постепенно успокаивалось. А вот сердце нет, оно все еще загнанным зайцем билось в груди. Он стоял на опушке леса возле ресторанчика «Экеберг». Тренировочный костюм отяжелел от пота. Этот ресторанчик, сохранившийся с межвоенных времен, когда-то был гордостью столицы, над которой он царственно возвышался на крутом восточном склоне. Но путь из центра сюда, в лес, получался неблизкий, и людям постепенно это надоело. Ресторанчик стал нерентабельным, пришел в упадок, сюда забредали теперь только постаревшие любители танцев, пьяницы средних лет да неприкаянные одиночки в поисках других неприкаянных одиночек. В конце концов ресторанчик закрыли. Харри нравилось приезжать на Экеберг, подниматься над городом, окутанным желтыми клубами выхлопных газов, а потом по одной из многочисленных тропинок добегать до ровной площадки, чувствуя, как в мышцах горит молочная кислота. Ему нравилось останавливаться у полуразрушенного ресторанчика, сохранившего особую красоту обломков кораблекрушения. Он садился на волглою от дождя проржавевшей террасе и смотрел на город, который когда-то был ему родным, но теперь обанкротился и развалился. Смотрел с тем чувством, с каким глядят на встреченную случайно бывшую возлюбленную...

Город лежал в чаше гор, ее крутые края высоко вздымались почти по окружности, и только в сторону фьорда оставались какие-то – слабые, Впрочем – позиции для отступательного маневра. Геологи утверждают, что Осло построен в кратере потухшего вулкана. И в

такие вечера, как сегодня, Харри представлял себе, что огни города – это дырки в земной коре, сквозь которые просвечивает бурлящая лава. Глядя на район Хольменколлен, белой точкой светящийся на дальнем склоне напротив города, он пытался угадать, где находится дом Ракели.

Он подумал о письме. И о телефонном разговоре со Скарре, сообщившем о сигнале сотового Бирты Беккер. Сердце стучало уже медленнее, качало себе кровушку и посылало мозгу успокаивающие сигналы: жизнь продолжается. Прямо как мобильный телефон посылает сигналы станции. Мозг, подумал Харри, сигнал, письмо. Глупая мысль. Какого рожна он не выкинет это все из головы? Какого рожна он тут сидит и думает, сколько времени у него уйдет, чтобы добежать до машины, а потом добраться до Хоффа и проверить, кто из них на самом деле глуп?

Ракель стояла в кухне у окна и смотрела во двор, на деревья, которые загораживали соседские окна. Она как-то выступила в местном совете с предложением срубить два-три дерева, чтобы стало хоть чуть-чуть побольше света, но натолкнулась на молчаливое несогласие, впрочем, такое отчетливое, что она больше никогда об этом не заговаривала.

Еловые ветви скрывали все и всех, и именно это ценилось жителями района Хольменколлен. Снег все падал и падал на город, на холм, по которому осторожно крались друг за другом «вольво» и БМВ, возвращаясь домой, к гаражным воротам с электроприводом, горячему ужину, приготовленному подтянутыми женами (тренажерный зал, годичный академический отпуск, редкие консультации практикантов).

Даже сквозь солидные этажные перекрытия виллы, унаследованной ею от отца, Ракель слышала музыку, звучавшую у Олега в комнате. «Led Zeppelin» и «The Who». Вот когда ей самой было двенадцать, среди ее сверстников считалось немыслимым слушать такую старую музыку: эту музыку любили еще их родители. Но Олег-то получил пластинки от Харри и сделался преданным поклонником рок-идолов семидесятых.

Ракель вспомнила, до чего же исхудал Харри. Просто усох. Совсем как память о нем. Что-то почти пугающее чудилось ей в том, как память о человеке, с которым она была настолько близка, блекнет и исчезает. А может, это оттого, что, когда роман заканчивается, все его перипетии начинают казаться сном. А сон... Сон – не более чем порождение нашей фантазии, его почти мгновенно забываешь. Вот, наверное, почему встреча с Харри так потрясла Ракель. Обнять, вдохнуть его запах, услышать его голос не из телефонной трубки, а из его губ, таких мягких при всей твердости его лица, на котором проступили новые морщины... Взглянуть в его голубые глаза, которые то блестят, то потухают, когда он говорит... Все как раньше.

Но в то же время ей было радостно, что она уже перевернула эту страницу. Что не с этим мужчиной ей суждено разделить свое будущее, что он уже никогда не сможет вторгнуться своей ужасной жизнью в их с Олегом жизнь.

Теперь все у нее идет хорошо. Намного лучше, чем раньше. Она взглянула на часы. В отличие от Харри этот не опаздывал.

Матиас возник однажды летом, совершенно неожиданно. На собрании руководства местного самоуправления. Он ведь даже не жил в их районе – его пригласил приятель. Они с Ракелью сидели рядом и мило проболтали целый вечер. В основном о ней, если честно. Он слушал внимательно, с каким-то, как ей показалось, врачебным интересом. А через несколько дней позвонил и спросил, не хочет ли она пойти с ним на выставку в Центре Хени – Унстада, в Хёвикоддене. Сказал: и Олег, мол, тоже пусть приходит, потому что там есть программа и для детей. Погода была плохая, живопись так себе, а Олег – просто невыносим. Но Матиасу удалось поднять всем настроение шутками и особенно язвительными замечаниями о художниках и их способностях. А потом он отвез их домой, попросил прощения за

неудачную идею и с улыбкой пообещал, что никогда и никуда их с собой не возьмет. Если, конечно, они сами не попросят. После чего Матиас на две недели улетел в Ботсвану. И позвонил ей, как только вернулся, в тот же вечер. Попросил встретиться с ним снова.

Ракель услышала звук машины, газовавшей, чтобы заехать на крутой подъем, ведущий к дому. У него была старенькая «хонда-аккорд». Ей, непонятно почему, это нравилось. Он всегда парковался возле гаража и никогда внутри. И это ей тоже нравилось. Нравилось, что у него всегда с собой смена белья и несессер – они лежали в рюкзаке, который он обязательно уносил с собой утром; что он спрашивает, когда они смогут увидеться снова, и никогда ничего не принимает как должное. Все это теперь, конечно, может измениться, но Ракель была к этому готова.

Матиас вышел из машины. Высокий – почти как Харри. Приехав, он всегда улыбался ей, подняв к кухонному окну свое по-мальчишески открытое лицо. Даже если был смертельно уставшим после бесчеловечно долгого дежурства. Да, она была готова. Потому что этот мужчина подходил ей, он любил ее и ставил их маленький тройственный союз превыше всего остального. Ракель услышала, как в замке поворачивается ключ. Ключ, который она сама вручила ему на прошлой неделе. Как он тогда удивился! Как ребенок, получивший входной билет на шоколадную фабрику.

Дверь открылась, Матиас стоял на пороге, и она уже была в его объятиях. Ей нравился даже запах его пальто. Щекой она прижалась к вкусно пахнущей, холодной ткани, а по телу побежало привычное тепло.

– Что такое? – улыбнулся он ей в волосы.

– Я так тебя ждала! – прошептала Ракель.

Он закрыл глаза, и так они постояли еще мгновение.

Она выпустила его из объятий и взглянула в улыбающееся лицо. Красавец. Красивее Харри.

Освободившись, Матиас расстегнул пальто, повесил его и пошел мыть руки. Он всегда первым делом мыл руки, когда возвращался из анатомического театра, где во время лекции проводил манипуляции с трупами. Харри тоже всегда мыл руки, если возвращался с расследования убийства.

Матиас открыл нижний шкафчик, высыпал в раковину картошку из ведерка и включил воду.

– Как прошел день у тебя, любовь моя?

Ракель подумала, что многие мужчины не захотели бы знать, как прошел вчерашний вечер, потому что она встречалась с Харри, и Матиасу об этом было известно. И это ей тоже в нем нравилось. Она принялась рассказывать, глядя в окно. Ее взгляд скользнул по елям и устремился туда, где только-только начали загораться огни города. Харри сейчас где-то там. В безнадежной погоне за тем, кого так и не удавалось – и никогда не удастся – схватить. Ей стало его жалко. Осталось только сочувствие. Хотя вчера вечером мелькнуло что-то между ними: тогда они сцепились взглядами и никак не могли отпустить друг друга. Это было как удар тока, но так же быстро и закончилось. Совсем. Волшебство исчезло. И это произошло по ее воле.

Она встала позади Матиаса, обняла, прижалась к его широкой спине.

Она чувствовала, как под рубашкой ходят его мускулы – он чистил картошку и бросал ее в кастрюлю.

– Пожалуй, сюда влезет еще парочка, – предположил он.

Ракель заметила какое-то движение возле кухонной двери и оглянулась. Там стоял Олег и смотрел на них.

– Принеси, пожалуйста, из подвала еще картошки, – попросила она.

Темные глаза Олега потемнели еще больше. Он стоял не шевелясь.

Матиас повернулся к нему:

– Я сам могу сходить. – Он взял опустевшее ведро для картошки.

– Нет, – произнес Олег и сделал шаг вперед. – Я схожу.

Взял у Матиаса ведро и вышел за дверь.

– Что с ним? – спросил Матиас.

– Он просто немного боится темноты, – вздохнула Ракель.

– Это я понял, но почему он все-таки пошел туда?

– Потому что Харри говорил, что нужно суметь победить страх. – Она покачала головой. – Когда Харри жил здесь, он всякий раз посылал в подвал Олега.

Матиас наморщил лоб.

– Харри вовсе не детский психолог, – грустно улыбнулась Ракель. – А Олег слушался только Харри, не меня. С другой стороны, в подвале же нет никаких чудовищ.

Матиас повернул рукоятку под конфоркой и тихо сказал:

– А вот в этом мы не можем быть уверены.

– Ты? – улыбнулась Ракель. – Ты тоже боялся темноты?

– Прошедшее время здесь не вполне уместно, – криво усмехнулся Матиас.

Да, он ей нравится. Он лучше Харри. И жить с ним лучше. Он ей нравится, нравится.

Харри остановил автомобиль возле дома Беккеров. Посидел немного в машине, глядя на желтый свет, льющийся из окон во двор. Снеговик уменьшился до размеров карлика. Но его тень все еще лежала меж деревьев, дотягиваясь до самого забора.

Харри вышел из машины. Дверца скрипнула, и от этого лицо его скривилось. Он понимал, что поздно, что надо было бы позвонить, что двор – такая же частная собственность, как и сам дом... Однако твердое желание побеседовать с профессором Беккером, а также необходимые для такой беседы запасы терпения созрели у него именно сейчас.

Промокшая почва слегка пружинила под ногами. Он присел на корточки. Свет отражался в снеговике, как будто тот был сделан из матового стекла. Днем он подтаял, из снега образовались крошечные кристаллики, а теперь, когда температура упала, влага конденсировалась и застыла кристаллами покрупнее. В результате чистый, белый и легкий снег, из которого вчера скатали снеговика, сегодня сделался сероватым, крупнозернистым, слежавшимся.

Харри поднял правую руку. Сжал кулак. И ударил.

Голова снеговика слетела с плеч и упала на бурый газон.

Харри ударил еще раз, теперь сверху вниз, пальцы напряглись, скрючились, как звериные когти, пронизали снег и наконец ухватили то, что он искал.

Он выдернул руку обратно и триумфальным жестом протянул находку снеговiku – так Брюс Ли держит перед поверженным врагом вырванное у него сердце.

Это был красно-черный телефон «Нокия». Его кнопки все еще светились. Но победное чувство в душе Харри уже погасло. Он понимал, что это вовсе не прорыв в следствии, а просто антракт в кукольном спектакле, где действующих лиц дергают за невидимые ниточки. Слишком легко все получилось. Телефон им просто-напросто подбросили.

Харри дошел до входной двери и позвонил. Открыл ему Филип Беккер. Волосы взъерошены, галстук съехал на сторону, глазами хлопает, будто только что проснулся.

Филип вопросительно посмотрел на Харри, заметил в его руке телефон и быстро кивнул:

– У Бирты был именно такой телефон.

– Могу я вас попросить набрать ее номер?

Беккер исчез в глубине дома, а Харри остался ждать. Вдруг в дверном проеме появилось лицо Юнаса. Харри хотел поздороваться, но тут заиграл мобильный. Это была песенка

«Мой любимый козлик». В голову Харри немедленно пришли последние слова припева – он знал песенку еще со школы: «Вспомни про своего хозяина».

Харри увидел, как на мгновение осветилось лицо Юнаса. Мозг мальчика подсознательно среагировал на рингтон матери, но радостное выражение почти сразу сменила гримаса неприкрытого ужаса. И этот ужас был Харри хорошо знаком.

Войдя в квартиру, Харри почувствовал запах гипса и опилок. Панели, закрывавшие стену, были сняты и штабелями сложены на полу. На открывшейся стене виднелись какие-то светлые пятна. Харри провел пальцем по белому налету, тот осыпался на паркет. Он лизнул кончик пальца – привкус солоноватый. Грибок? Или это просто проступила соль, пот дома? Харри чиркнул зажигалкой и приблизил лицо к стене. Ничего не видно, да и запаха никакого нет.

Улегшись в постель и уставившись в непроглядную темноту спальни, Харри думал только о Юнасе. И о матери. О запахе лекарств и ее лице, которое медленно растворялось в белизне подушки. Он целыми днями и неделями играл с Сестрёнышем, а отец все молчал, и все делали вид, что ничего не произошло... Харри почудилось, что до него доносится слабый звук. Это невидимые нити росли, натягивались, наматывались на темноту и пожирали ее, оставляя слабый, дрожащий косыми лучами свет.

Глава 7

День третий. Невыявленные данные

Слабый утренний свет проник сквозь жалюзи и серой вуалью скользнул по лицам двух сидящих в кабинете людей. Комиссар полиции Хаген слушал Харри Холле, наморщив лоб над черными бровями, густыми, кустистыми, сросшимися в одну длинную линию. На его шикарном столе, на маленькой подставке, лежал мизинец, который, судя по прилагавшемуся документу, принадлежал японскому командиру батальона Ёсито Ясуде. Когда Хаген учился в Академии сухопутных войск, он прочитал где-то, что Ясуда отрубил себе мизинец, впад в отчаяние во время отступления 1944 года в Бирме. Владельцем этой реликвии Хаген стал за год до того, как вернулся к своему первоначальному роду деятельности – в полицию – и возглавил отдел по борьбе с насилием. И поскольку с того времени утекло немало воды, теперь он довольно терпеливо выслушивал все, что докладывал ему старший инспектор о расследовании исчезновения людей.

– В одном только Осло ежегодно пропадает шестьсот человек. Однако через несколько часов после того, как их заявят в розыск, найденными остается всего лишь горстка. Это известно, как и то, что, если поиски длятся больше двух дней, человека почти наверняка не найдут.

Хаген задумчиво провел пальцем по своим знаменитым сходящимся над переносицей бровям. Ему надо было подготовить совещание по бюджету, которое пройдет в кабинете начальника Полицейского управления. Тема – принятое властями решение о снижении налоговых поступлений.

– Большинство пропавших – клиенты психушек или старики, впавшие в маразм, – продолжал Харри. – Но встречаются также и относительно нормальные люди, которые срываются в Копенгаген или кончают с собой. Этих находят или в списках пассажиров, или по выпискам со счетов, когда они снимают деньги в банкомате; иногда их тела выбрасывает на берег.

– Ну и к чему ты все это?.. – перебил Гуннар Хаген и взглянул на часы.

– Вот к чему. – Харри вытащил желтую папку, которая с пластмассовым клапаном приземлилась на комиссаров стол.

Хаген подался вперед и стал листать подшитые бумаги.

– Я обязательно ознакомлюсь, Харри, ведь ты у нас не из тех, кто строчит рапорты.

– Это произведение Скарре, – уточнил Харри. – Но вывод мой, и его вы должны выслушать здесь и сейчас.

– Пожалуйста, покороче.

Харри сложил руки и опустил на них взгляд. Длинные ноги он вытянул вперед. Задержал дыхание. Сейчас он скажет то, что собирался, и назад пути не будет.

– Слишком многие исчезли без следа.

Правая половина Хагеновой бровищи поползла вверх.

– Поясни.

– Здесь данные о шестерых. Женщины от двадцати пяти до пятидесяти, пропавшие за период начиная с тысяча девятьсот девяносто пятого года. Этих женщин так и не нашли. Я тут побеседовал с ребятами из отдела розыска пропавших, и они со мной согласны: получается слишком много.

– Слишком много по сравнению с чем?

– С тем, что было раньше. С тем, что происходит в Дании и Швеции. И по сравнению с другими демографическими группами. Почти все эти женщины состояли в браке – официальном или гражданском.

– Ну, нынче дамы пошли гораздо более самостоятельные, – усмехнулся Хаген. – Уезжают, рвут отношения, может, находят себе мужиков за границей. Так что твоя статистика малоубедительна.

– В Швеции и Дании женщины также стали более самостоятельными. Но там всех пропавших рано или поздно находят.

Хаген вздохнул:

– Ну, раз эти данные так резко отличаются от нормы, то почему же раньше-то никто не спохватился?

– Потому что цифры Скарре касаются всей страны, а полиция обычно имеет дело со своим округом. У вас, конечно, есть данные из Главного управления полиции Норвегии. В сводке тысяча восемьсот имен пропавших без вести, но это данные за последние пятьдесят лет. К тому же туда входят жертвы кораблекрушений и крупных катастроф, вроде той, что произошла на нефтяной платформе «Александр Хьелланн». Штука в том, что никто не пытался увидеть тут закономерность, характерную для всей территории страны. До этого самого момента.

– Может, и верно, но мы-то отвечаем не за всю территорию, Харри. Здесь у нас Полицейское управление города Осло. – И Хаген положил ладони на стол, намекая, что аудиенция окончена.

– Да ведь я о чем толкую? – Харри почесал подбородок. – Это добралось и до Осло.

– Что «это»?

– Вчера я обнаружил в снеговике мобильный телефон пропавшей Бирты Беккер. Я сам не знаю, что это, шеф. Но, думаю, надо в нем хорошенько разобраться и вытащить на свет. Причем быстро.

– Статистика – вещь интересная. – Хаген взял мизинец батальонного командира Ясуды и принялся поглаживать его большим пальцем. – И я, конечно, понимаю, что последний случай с пропавшей женщиной дает повод для беспокойства. Но этого недостаточно. Так что давай выкладывай причину, по которой ты вздумал озадачить Скарре этим рапортом.

Харри задержал взгляд на Хагене, достал из внутреннего кармана мятый конверт и протянул шефу.

– Его положили мне в почтовый ящик сразу после того ток-шоу, в котором я участвовал в начале сентября. До сих пор я считал, что это выходка какого-то психа.

Хаген достал из конверта листок бумаги, прочитал девять предложений, составлявших текст, и снова воззрился на Харри, качая головой:

– Снеговик? А что такое Мурри?

Харри коротко объяснил и закончил:

– Вот почему я боюсь, что речь идет об *этом*.

Комиссар глядел на него непонимающе.

– Хотелось бы мне ошибаться, – произнес Харри, – но думаю, нас ждут чертовски тяжелые времена.

Хаген вздохнул:

– Чего ты хочешь, Холе?

– Я хочу следственную группу.

Хаген посмотрел на Харри. Как и все остальные сотрудники Полицейского управления, он считал Харри упрямым, высокомерным, склочным и непредсказуемым алкоголиком. С другой стороны, Хаген был рад, что он с Харри находится по одну сторону баррикад и что тот никогда не вцепится ему в горло.

- Сколько? – спросил он. – И на какой срок?
- Десять человек. На два месяца.

– Две недели? – воскликнул Магнус Скарре. – Четверо? Всего-то? И это на расследование убийства!

Он возмущенно посмотрел на остальных коллег, которые набились в кабинет Харри Холе. Их было трое: Катрина Братт, сам Харри и Бьёрн Холм из криминалистического отдела.

– Больше Хаген не дал. – Харри откинулся на спинку кресла. – И это не расследование убийства. Пока.

– Что же это тогда такое? – спросила Катрина Братт. – Пока?

– Дело об исчезновении человека, – ответил Харри. – Но не забывайте, что в нем много общего с другими подобными случаями, имевшими место в последние годы.

– Речь идет о семейных женщинах, которые внезапно исчезли поздней осенью? – спросил Бьёрн Холм, демонстрируя остатки говора, который он вывез из родного Тотена вместе с коллекцией виниловых пластинок Элвиса, «Sex Pistols» и «Jason And The Scorchers», тремя костюмами работы нэшвиллского портного, американской Библией, немного коротковатым диваном-кроватью и столовым гарнитуром, пережившим уже три поколения Холмов.

Все это он запихал в прицеп и притащил в столицу на стареньком «амазоне» – модели, в последний раз сошедшей с конвейера «Вольво» еще в 1970 году. Бьёрн Холм выложил за него двенадцать тысяч, но каков у «амазона» пробег, никто так и не смог разобраться, потому что показания спидометра только приближались к сотне тысяч километров. Тем не менее этот автомобильчик был выражением всего, чем являлся и во что верил сам Бьёрн Холм. К тому же он пах лучше всех машин на свете: смесью запахов дерматина, жестянки, моторного масла, выцветшей под солнцем полки для шляп, завода «Вольво» и человеческого пота, которым лоснилось водительское сиденье. Для Бьёрна Холма то был не просто пот, но благородный глянец, квинтэссенция всех предыдущих владельцев: их души, кармы, всего, что они проглотили на своем веку, и вообще – того, как они жили в целом. С зеркала заднего вида свисали игральные кубики – настоящие плюшевые кубики фирмы «Фаззи-дайс». Нелепая игрушка как нельзя лучше символизировала искреннюю любовь и ироничное отстранение, испытываемое к американской культуре и эстетике сыном норвежских крестьян, которому в одно ухо пел Джим Ривз, в другое – «Ramones», а сам он в равной степени обожал и то и это.

Теперь Бьёрн Холм сидел в кабинете Харри в своей растаманской шапочке, из-за которой был больше похож на наркодилера, чем на эксперта-криминалиста. Из-под шапочки торчали огромные огненно-рыжие котлетообразные бакенбарды, обрамлявшие круглое приятное лицо с широкопато посаженными круглыми же глазами, делавшими его похожим на вечно удивленную рыбину. Это был единственный человек, которого Харри специально попросил включить в следственную группу.

– И вот еще что. – Харри протянул руку и хлопнул по проектору, что стоял между стопками документов у него на столе.

Магнус Скарре выругался и прикрыл ладонью глаза: резкий луч света, в котором различались размытые буквы, уперся ему прямо в лицо. Он передвинулся на другое место, а Харри тем временем вещал из-за проектора:

– Это письмо оказалось в моем почтовом ящике примерно два месяца назад. Адреса и имени отправителя нет, почтовый штемпель поставлен в Осло. Отпечатано на стандартном струйном принтере.

Прежде чем Харри успел попросить, Катрина Братт нажала на выключатель возле двери, кабинет погрузился в темноту и на белой стене четко вырисовался четырехугольник света.

Читали в полной тишине.

Скоро выпадет первый снег. И тогда он снова появится. Снеговик. А когда снег растает, он снова кого-то заберет с собой. Ты должен спросить себя вот о чем. Кто сделал снеговика? Кто делает снеговика? Кто породил Мурри? Потому что сам снеговик об этом не знает.

– Поэтично, – пробормотал Бьёрн Холм.

– Что такое Мурри? – спросил Скарре.

Ответом ему было монотонное стрекотание проектора.

– Интереснее всего, кто такой Снеговик, – вставила Катрина Братт.

– Явно тот, кому не мешало бы подкрутить мозги, – решительно произнес Холм.

Засмеялся только Скарре и осекся, потому что Харри из темноты объяснил:

– Мурри – так называли одного давно умершего человека. Вообще мурри – это австралийские аборигены, живут в штате Квинсленд. Но этот конкретный мурри, пока был жив, убивал женщин по всей Австралии. До сих пор никто не знает точно, сколько именно. Его настоящее имя было Робин Тувумба.

Зашелестел шепот.

– Маньяк! – выдохнул Бьёрн Холм. – Тот самый, которого ты убил!

Харри кивнул.

– Значит, ты думаешь, что у нас клиент такого рода?

– Учитывая это письмо – не исключено.

– Эй, эй, попридержите лошадей! – поднял руки Скарре. – Сколько раз ты уже кричал «волки!», когда тебе чудилось что-то похожее на то австралийское дело, Харри?

– Трижды, – ответил Харри. – Как минимум.

– А ведь в Норвегии серийных убийц до сих пор не бывало. – Скарре бросил быстрый взгляд на Братт – убедился, что она его внимательно слушает. – Может, это все из-за тех курсов по «маньяковедению», которые ты прошел в ФБР? Может, потому ты их видишь везде и всюду?

– Не исключено, – подтвердил Харри.

– Тогда позволь напомнить тебе, что за исключением парня, что бегал со шприцем за стариками, которые все равно вскорости должны были умереть, в Норвегии серийных убийц не было никогда. Эти ребята водятся только в США, да и то в основном в кино.

– Неправда! – бросила Катрина Братт. Все разом повернулись к ней, и она подавила нервный зев. – Они водятся и в Швеции, и во Франции, Бельгии, Германии, Англии, Дании, России и Финляндии. При этом известны только раскрытые преступления. О невыявленных данных предпочитают вслух не говорить.

В темноте Харри не было видно, как покраснело лицо Скарре, зато он заметил, как тот агрессивно выпятил подбородок в сторону Катрины Братт.

– У нас даже трупа нет, а таких писем я вам могу показать целый шкаф! – негодуя заявил Скарре. – Причем от людей, куда более свихнувшихся, чем этот... этот... Снеговик.

– Штука в том, – сказал Харри, встав и подойдя к окну, – что наш псих проделал основательную работу. Имя Мурри в газетах даже не упоминалось. Это был псевдоним Робина Тувумбы, который тот использовал, когда был борцом в передвижном цирке.

Последний луч дневного света пробился сквозь облака. Харри посмотрел на часы. Олег очень просил выйти пораньше, чтобы успеть и на «Slayer».

– С чего же начать? – спросил Бьёрн Холм.

– Что? – переспросил Скарре.

– С чего начнем? – исправился Холм, вспомнив про свой говор.

Харри подошел к столу.

– Холм еще раз осмотрит дом и двор Беккеров – как если бы это было место убийства. Мобильный и шарф проверить особо. Скарре, составь список осужденных ранее за убийство, насилие, подозреваемых...

– ...в подобных преступлениях и всякого остального сброда, который сейчас на свободе, – закончил за него Скарре.

– Братт, садись за документацию по пропавшим женщинам и ищи общий рисунок.

Харри ожидал неизбежного вопроса: «Какой рисунок?», но Катрина Братт только коротко кивнула в ответ.

– О'кей, – закруглился Харри, – приступайте.

– А вы? – спросила Братт.

– А я пойду на концерт, – ответил Харри.

Когда все вышли из кабинета, Харри уткнулся в свой блокнот, глядя на единственную сделанную им запись: «невьявленные данные».

Сильвия бежала изо всех сил. Она бежала по направлению к деревьям, туда, где они росли гуще всего, грозно темнея на фоне сумерек. Бежала, чтобы спастись.

Она не зашнуровала ботинки, и теперь они были полны снега. В руке Сильвия сжимала маленький топорик. Его лезвие покраснело от крови.

Вчерашний снег, наверное, почти весь растаял, но это в городе, а здесь, в горах, в Соллихёгде, всего в получасе езды оттуда, он может лежать и до весны. Как же она жалела, что они переехали сюда, в это богом забытое место, на эти пустоши за поселком! Бежала бы она сейчас по асфальту, на котором не остается следов, по городу, чей шум заглушает шаги беглеца! В городе можно затеряться в огромной тесной людской толпе. А тут она совсем одна.

Хотя нет.

Не совсем.

Глава 8

День третий. «Лебяжья шея»

Сильвия бежала к лесу. Становилось темно. Вообще-то она ненавидела ранние ноябрьские сумерки, но на этот раз ей все казалось, что темнеет недостаточно быстро. Темнота спрячет следы, укроет ее. Местность она знала как свои пять пальцев и была в состоянии сориентироваться, чтобы случайно не повернуть обратно к дому, прямо в лапы к... этому. Но вот незадача: за ночь снег изменил все вокруг, прикрыл камни – так хорошо ей знакомые камни – и сгладил все очертания. Да и сумерки стирали привычные приметы ландшафта. Где она? Сильвия постаралась подавить охвативший ее приступ паники.

Она остановилась и прислушалась. Никого. Только ее захлебывающееся дыхание рвет тишину с таким звуком, с каким рвется бумага, в которую она заворачивает завтрак для ребятшек, собирая их в школу. Сильвия попыталась дышать ровнее. Кровь по-прежнему шумела в ушах, но она расслышала тихое журчание ручья. Ручей! Они всегда шли вдоль него, когда собирали ягоды, ставили ловушки или искали заблудившихся кур, которых – они это отлично понимали – на самом деле унесла лиса. Ручей бежал вниз, к грунтовой дороге, а по дороге рано или поздно проедет какая-нибудь машина.

Шагов Сильвия больше не слышала. Ни звука ломающегося сучка, ни хруста снега под ногами. Может, ей удалось оторваться?

Ручей тек словно по белой простыне, которой было выстлано дно лесного оврага. Сильвия прыгнула в воду. Ручей был мелкий – вода дошла до середины лодыжек и залилась в обувь. Стало так холодно, что даже мышцы свело, но она устремилась вниз по течению, высоко поднимая ноги, делая огромные шаги, сопровождавшиеся громким всплеском. Никаких следов! – победно думала она. И пульс успокаивался, несмотря на то что она продолжала бежать.

Недаром в последние годы Сильвия проводила долгие часы в тренажерном зале местного торгового центра. Там она сбросила шесть кило, тело подтянулось, стало гибким – ей ни за что не дашь ее тридцати пяти лет! Об этом каждый раз говорил Ингве, с которым она познакомилась в прошлом году на психологическом тренинге по вдохновению. Где ее, собственно, и вдохновили на все остальное. Господи, если бы только она могла прокрутить часы назад! На восемь лет вспять. Она бы все сделала по-другому! Не вышла бы за Ролфа. И сделала бы аборт. Конечно, теперь, когда близнецы уже появились на свет, об этом невозможно даже помыслить. Но до того как она опросталась малышками – Эммой и Ольгой, – все было возможно, и тогда она не оказалась бы в этой тюрьме, которую так старательно выстроила вокруг себя.

Сильвия наткнулась на ветку, свисающую над ручьем, и тут сквозь прижмуренные глаза увидела, как что-то мелькнуло, вероятно, какой-нибудь зверь выскочил к ручью и тут же скрылся в темноте леса.

Надо бы ей быть поосторожней, не то покалечит ноги... Всего несколько минут прошло с того момента, когда она стояла в хлеву с окровавленным топором, а ей они показались вечностью. Она отрубила головы двум курам и собиралась взяться за третью, как вдруг за спиной раздался скрип двери. Сильвия невольно вздрогнула: все-таки она была дома одна, к тому же ни шагов, ни шума машины не слышала. Первое, что приковало ее внимание, был странный инструмент – металлическая петля на ручке. Похожа на петлю, которой ловят лис. Но когда тот, в чьей руке был этот инструмент, заговорил, Сильвия поняла, что охота идет за ней и умереть должна она.

Причем ей даже объяснили почему.

Она прислушивалась к этой сумасшедшей, но четкой логике, а кровь билась в ее жилах, будто уже готовясь свернуться. И тут ей объяснили, как она умрет. В деталях. А петля начала нагреваться: сначала она была красной, потом стала белой. И тогда Сильвия в панике протянула руку, нащупала рукоятку топорика прямо под поднятой рукой этого ненормального, ударила, увидела, как пиджак и джинсы разъехались в стороны, как будто она рванула молнию, а на обнажившейся коже появилась красная полоса. Он отшатнулся и сделал несколько шагов по залитому куриной кровью полу, а Сильвия не мешкая метнулась к задней двери сарая, что смотрела на лес. В темноту.

Колени словно парализовало, одежда промокла насквозь. Но Сильвия знала, что грунтовая дорога совсем недалеко. А оттуда до соседней усадьбы – минут пятнадцать бегом. Ручей сделал петлю. Левая нога наткнулась на что-то под водой, раздался звук удара, она почувствовала, что кто-то схватил ее за ногу, и в следующее мгновение Сильвия Оттерсен приземлилась плашмя на живот, нахлебалась воды, отдававшей землей и гнилой листвой, и, помогая себе руками, встала на четвереньки. Она убедилась, что рядом по-прежнему никого нет, и волна паники отступила; оказалось, что нога прочно застряла. Она принялась щупать рукой, ожидая наткнуться на опутавшие ногу корни, но под водой оказалось что-то гладкое и прочное. Металл. Металлическая дужка. Сильвия пригляделась и увидела рядом глаза, перья и побледневший красный гребешок. Куриная голова. Не из тех, что она недавно отрубила. Эту принес сюда Ролф в качестве приманки. После того как в коммуне узнали, что за прошлый год лиса унесла у них шестнадцать кур, им разрешили расставить вокруг хутора – только не на тропинках, по которым людям могло прийти в голову прогуляться, – определенное количество лисьих капканов системы «лебяжья шея». Лучшее место для капкана – ручей, надо только умудриться установить его под водой так, чтобы снаружи торчала лишь приманка. Как только лиса примется за куриную голову, капкан захлопнется у нее на шее – зверь погибнет моментально.

Рука продолжала щупать.

В магазине «Все для охоты», где они покупали капканы, им сказали, пружина такая сильная, что запросто может сломать ногу взрослого человека. Правда, ее замерзшая нога не чувствовала никакой боли. Зато пальцы нащупали тонкую стальную проволоку, прикрепленную к «лебяжьей шее». Без инструментов, которые лежат в сарае, нечего и думать о том, чтобы раскрыть капкан. К тому же они обыкновенно приматывали его к дереву с помощью стальной проволоки, чтобы полумертвая лиса, или кто там в него попадет, не укывляла вместе с капканом, который стоит денег. Рука скользила под водой вдоль проволоки, пока не наткнулась на металлическую табличку с фамилией владельца – их фамилией. Так положено по правилам.

Сильвия вздрогнула. Что это хрустнуло вдалеке? Сердце опять заколотилось как сумасшедшее, а она все вглядывалась в сгущающуюся темноту.

Окоченевшие пальцы нащупывали проволоку, разрывая снег на берегу ручья. Сильвия медленно выползла из ручья, волоча ногу с капканом. Проволока была примотана к стволу молодой, крепкой березы. Она пошарила под снегом и нашла петлю. Металл смерзся в прочный, неподдающийся узел. Ей надо распутать его и двинуться дальше.

Снова треснула ветка. На этот раз ближе.

Сильвия села, укывшись за стволом березы. Попыталась убедить себя, что паниковать не надо, что узел распутается, как только она потянет за конец проволоки, что перелома у нее нет, а в лесу шумит какой-нибудь зверь. Она попробовала подцепить конец проволоки и даже не почувствовала боли, когда ноготь сломался почти посередине. Ничего не получается. Она наклонилась, и зубы хрустнули, когда она попыталась перекусить проволоку. Черт! Теперь она четко слышала неторопливые шаги по снегу и затаила дыхание. Шаги

затихли где-то за стволом ее березы. Возможно, все дело в воображении, но ей показалось, что она слышит его дыхание, чувствует запах. Сильвия сидела не шевелясь. И тогда он двинулся дальше. Звук стал тише. Он удалялся. Она всхлипнула. Теперь ей надо освободиться. Одежда промокла, так что, если ее не найдут, за ночь она точно замерзнет насмерть. И тут ее осенило: топор! Она совсем забыла про топор. Проволока ведь тонкая. Положить ее на камень, пару раз хорошенько ударить – и она свободна. Топорик наверняка где-то в ручье. Она повернулась, опустила руки в черную воду и стала ощупывать каменистое дно.

Ничего.

В отчаянии Сильвия встала на колени, внимательно оглядывая снег, и наконец заметила лезвие топорика, мерцавшее в воде в двух метрах от нее. Почувствовав, как натянулась проволока, она легла плашмя прямо в ручей, так что талая вода забурлила вокруг, и рванулась как загнанный зверь. Не получается! Топорик слишком далеко. Ее пальцы хватали воздух в пятидесяти сантиметрах от него. Подступили слезы, но она загнала их обратно: еще успеет наплакаться.

– Тебе *это* нужно?

Она и не заметила, как перед ней посреди ручья очутилось сидящее на корточках существо. Оно. Сильвия отползла назад, но существо последовало за ней, протягивая топор:

– На, возьми.

Сильвия встала на четвереньки и взяла топор.

– А что ты хочешь с ним сделать?

Сильвия почувствовала подступающую ярость, которая часто следует за ужасом. На сей раз волна ярости была совершенно дикой. Сильвия прицелилась и взмахнула поднятой рукой с зажатым топориком, но проволока дернула ее назад, топорик чиркнул по темноте, а сама Сильвия снова оказалась в воде.

Сзади тихо засмеялись.

Сильвия обернулась.

– Уходи, – простонала она, отплевываясь от крошек гравия.

– Я хочу, чтобы ты ела снег, – произнес голос. Существо встало и на мгновение задержало взгляд на том месте, где ткань пиджака была разрублена.

– Что? – выдавила из себя Сильвия.

– Хочу, чтобы ты ела снег, пока не начнешь мочиться под себя. – Существо стояло за пределами круга, по которому могла двигаться Сильвия на своей проволоке, и рассматривало ее, наклонив голову. – Пока чрево твое не наполнится и не заледенеет так, что на нем уже не будет таять снег. Пока внутри тебя не будет сплошной лед. Пока ты не станешь самой собой. Настоящей. Той, которая ничего не будет чувствовать.

Сильвия слышала каждое слово, но смысл сказанного ускользал от нее.

– Никогда! – крикнула она.

Существо сделало шаг в ее сторону, не выходя из журчащего ручья:

– Кричи теперь, милая Сильвия. Потому что больше тебя никто не услышит. Никогда.

Сильвия увидела в его руке все тот же странный инструмент. В темноте красной каплей светилась раскаленная петля. Когда она коснулась воды, раздалось шипение и вверх поднялся пар.

– Ты будешь есть снег. Поверь.

До парализованного сознания Сильвии медленно доходило, что ее часы сочтены. Оставалось только одно. Темнота быстро сгущалась, но Сильвия, сжимая рукоять топорика, все же попыталась сфокусировать взгляд на существе, которое стояло между деревьев. Она поднялась, пальцы кололо: к ним снова прилила кровь, как будто она тоже поняла, что это их с Сильвией последний шанс. Они с близнецами часто упражнялись в бросках: Сильвия швыряла топор в стену сеновала, где пятно краски изображало лису. И каждый раз, когда она

попадала и кто-нибудь из детей вынимал топор и приносил обратно, близнецы победно кричали: «Ты убила зверя, ма! Убила зверя!»

Сильвия осторожно выставила ногу вперед. Одного быстрого шага будет достаточно для оптимальной силы и точности удара.

– Ты псих, – прошептала она.

– А вот именно в этом, – сказала оно, как показалось Сильвии, с легкой улыбкой, – нет никаких сомнений.

Топор запел низким голосом и пронзил густую, почти осязаемую темноту. Сильвия осталась стоять, отлично держа равновесие, ее правая рука была устремлена вслед смертоносному оружию. А оно просвистело между деревьями, срубило на лету тонкую веточку и исчезло в темноте, оставив лишь глухой звук, с которым топорик вонзился в снег.

Она прижалась спиной к стволу березы и осела на берег ручья. На этот раз она и не пыталась задушить подступающие рыдания. Потому что теперь она точно знала. Больше ничего не будет.

– Ну что, начнем? – мягко спросил голос.

Глава 9

День третий. Дыра

– Правда, круто?

Восхищенный голос Олега перекрыл шипение масла в «Кебабном дворе», который был еще полон народу: после концерта в «Спектруме» часть зрителей подалась именно сюда. Харри кивнул Олегу, а тот, все еще мокрый от пота в своей куртке с капюшоном, не переставал мелко подпрыгивать и все говорил, говорил, упоминая настоящие имена ребят из «Slipknot». Харри никогда о них раньше не слышал: на сцене они выступают в масках, информации на обложках альбомов мало, а нормальные музыкальные журналы про такие коллективы никогда не пишут. Харри заказал по гамбургеру и посмотрел на часы. Ракель обещала, что подъедет сюда ровно в десять. Олег продолжал болтать. Когда это произошло? Как двенадцатилетний мальчишка мог полюбить песни, в которых говорится о разных стадиях умирания, об отчуждении, холоде и всеобщем отчаянии? Возможно, Харри следовало бы озаботиться этим, но он не стал. Это была такая начальная ступень, одежда, которую парень должен примерить, чтобы посмотреть, подходит она ему или не подходит. Любопытство когда-то утихнет, и в его жизни появятся другие увлечения. Лучшие. И худшие.

– А тебе тоже понравилось, да, Харри?

Харри кивнул. У него не хватило смелости сказать, что ему концерт впрок не пошел: как только они смешались с толпой, наводнившей «Спектрум», у Харри началась паранойя, которая регулярно посещает выпивающих людей. А его она в последние годы не забывала и по трезвости. Так что, вместо того чтобы прийти в приподнятое расположение духа, он озирался, вглядываясь в сплошную массу лиц, четко чувствуя, что за ним наблюдают.

– «Slipknot» рулят! – захлебывался Олег. – А маски вообще обалденные! Особенно тот, с длинным тонким носом. Похож на... на этого...

Харри слушал вполуха, надеясь, что Ракель вот-вот появится. Воздух в забегаловке был густой и липкий, он ложился на лицо и губы тонкой пленкой жира. Харри попытался отбросить следующую мысль, но она уже была тут как тут, за углом: а хорошо бы сейчас выпить...

– Это индейская маска смерти, – раздался женский голос позади них. – И вообще, «Slayer» был лучше «Slipknot».

Харри изумленно повернулся.

– Ребята из «Slipknot» уж больно выпендриваются, разве нет? – продолжала она. – Идеи у них вторичны, а сами они пустышки.

На ней было черное облегающее блестящее пальто до пят, застегнутое до самого горла. Из-под пальто виднелись лишь черные ботинки. Бледное лицо, подведенные глаза.

– Никогда бы не поверил, – пробормотал потрясенный Харри, – что ты любишь такую музыку!

Катрина Братт улыбнулась:

– Зато я зрю прямо в корень противоречий.

В дальнейшие разъяснения она вдаваться не стала, а только жестом заказала минералку.

– «Slayer» – отстой, – еле слышно промямлил Олег.

Катрина обернулась к нему:

– А ты, должно быть, Олег.

– Да, – тихо ответил парень, подтягивая свои камуфляжные штаны. Внимание со стороны взрослой женщины ему и нравилось, и не нравилось. – А откуда вы знаете?

– «Знайти»? – не переставая улыбаться, переспросила Катрина. – Ты же из Хольменколлена, ты должен произносить «знаете». Это Харри научил тебя говорить как на восточном побережье?

У Олега кровь прилила к щекам.

Катрина громко засмеялась и легко дотронулась до его плеча:

– Извини, я просто любопытная.

Мальчик покраснел так густо, что белки глаз засверкали на лице, как у негра.

– Я тоже любопытный, – сказал Харри, протягивая Олегу кебаб. – И вот мне интересно, неужели ты уже отыскала общий рисунок, как я тебя просил, Братт? Если уж у тебя достало времени сходить на концерт. А?

Харри посмотрел на нее так, что она тотчас поняла: задирать паренька не следовало.

– Кое-что нашла, – сказала Катрина, открывая бутылку «Фарриса», – но ты сейчас занят, так что давай перенесем разговор на завтра.

– Я не настолько занят, – нахмурился Харри и тут же позабыл о пленке жира и духоте.

– Вообще-то это конфиденциальная информация, а тут народ повсюду, – оглянулась Катрина. – Но пожалуй, я могу прошептать тебе на ухо пару ключевых слов.

Она наклонилась ближе, и сквозь запах кипящего масла он уловил аромат духов, почти мужских, и ее жаркое дыхание:

– Прямо у входа стоит черный «фольксваген-пассат». За рулем сидит женщина, которая давно пытается привлечь твоё внимание. Я так понимаю, это мать Олега...

Харри резко выпрямился и посмотрел в окно. Ракель вывернула руль и подняла на него глаза.

– Не испачкай тут ничего, – проворчала Ракель, когда Олег с кебабом в руке прыгнул на заднее сиденье.

Харри стоял у открытого окна. На ней были простые светло-голубые джинсы. Он их хорошо знал. Знал, как они пахнут и как по ним скользит ладонь или щека.

– Как концерт? – обратилась она к Харри.

– Спроси Олега.

– А что это за группа-то? – Ракель посмотрела на Олега в зеркало заднего вида. – Мне показалось, народ немножко странновато одет.

– Красивые песни про любовь и все такое, – ответил Олег и быстро подмигнул Харри, как только мать отвернулась от зеркала.

– Спасибо, Харри, – поблагодарила Ракель.

– Не за что. Езжай аккуратнее.

– А кто та женщина?

– Коллега. Новенькая у нас.

– Да? А такое впечатление, что вы уже хорошо знакомы.

– Почему?

– Вы... – Она осеклась. Потом медленно покачала головой и засмеялась. Это был низкий грудной смех, идущий, казалось, прямо от сердца. Уверенный и растерянный одновременно. Смех, в который Харри однажды и влюбился. – Прости, Харри. Спокойной ночи.

Стекло поползло вверх, черный автомобиль соскользнул с тротуара и уехал.

Харри неспешно двинулся по Бругата. На каждом шагу здесь были забегаловки, кафе и бары, сквозь открытые двери которых лилась музыка. Он решил было выпить кофе в «Теддис софтбаре», но потом счел идею неважной и прошел мимо.

– Кофе? – удивленно переспросил парень за стойкой.

Из музыкального автомата лилась песня Джонни Кэша, и Харри поднес палец к губам.

– А что, есть предложение получше? – услышал Харри собственный голос, знакомый и незнакомый одновременно.

– А то! – ответил парень и откинул сальные волосы назад. – Свежесваренного кофе нет, так что как насчет свеженалитого пивка?

Джонни Кэш пел о Боге, крещении и новых высотах.

– Отличная мысль, – согласился Харри.

Парень просиял.

Тут Харри почувствовал, что в кармане завибрировал мобильный. Он схватил его так резко и жадно, будто этого звонка как раз и ждал.

Это был Скарре.

– Мы только что получили заявление о пропаже человека. Вроде подходит: женщина, замужняя, двое детей. Несколько часов назад муж и дети вернулись домой, а ее уже не было. Живут в лесах, в Соллихёгде. Никто из соседей ее не видел, а на машине она уехать оттуда не могла, потому что машина была у мужа. Да и на дороге никаких следов не обнаружено.

– И следов пешехода?

– Нет. Там в горах до сих пор лежит снег.

На стол перед Харри с характерным звуком встал полулитровый бокал.

– Харри? Ты слушаешь?

– Да-да. Я просто думаю.

– О чем?

– Есть там снеговик?

– Что?

– Снеговик!

– Мне-то откуда знать?

– Так поедem сейчас и выясним. Садись в машину, подберешь меня на Стургата.

– А завтра мы этим не сможем заняться, Харри? Я тут на вечер раздобыл себе телку и собираюсь потрахаться, а ту бабу только заявили в поиск, так что пока не горит.

Харри взглянул на каплю пивной пены, которая змеей поползла по стенке бокала.

– Вообще-то, – пробормотал Харри, – горит, причем дьявольски.

Бармен изумленно смотрел на нетронутые пол-литра пива, пятидесятикronовую купюру, лежащую на стойке, и на широкую спину, которая уже исчезала в дверях, откуда лился голос Джонни Кэша.

– Сильвия не собиралась никуда уходить, – твердо сказал Ролф.

Ролф Оттерсен был худ до костлявости. Фланелевая рубашка застегнута на все пуговицы, а из воротника торчит голова на тощей шее. Похож на какую-то болотную птицу, решил Харри. Из рукавов рубашки высывались небольшие руки с длинными тонкими пальцами, находившимися в беспрестанном движении. Ногти на правой руке были длинные и острые, как когти. Глаза казались большими за толстыми стеклами круглых очков в простой стальной оправе – такие были популярны у радикально настроенной молодежи в шестидесятые годы. Плакат на горчичного цвета стене изображал индейцев, несущих анаконду. Харри узнал обложку альбома Джони Митчелла, который вышел еще в каменный век хиппи. Рядом с плакатом висела репродукция известного автопортрета Фриды Кало. Женщина-лидер, подумал Харри. Картину-то наверняка выбрала жена. Пол был из неструганых сосновых досок, а освещалась комната целым собранием древних парафиновых ламп и светильников из коричневой глины, сделанных, похоже, руками обитателей этого дома. В углу у стены стояла гитара с нейлоновыми струнами. Вот, оказывается, почему у Ролфа Оттерсена такие ногти.

– Вы уверены, что она не собиралась никуда уходить? – переспросил Харри.

На журнальном столике перед ним лежала фотография жены Ролфа, снятой с детьми, десятилетними близнецами Эммой и Ольгой. Сильвия Оттерсен смотрела на мир большими сонными глазами, какие бывают у людей, которые всю жизнь носили очки, а потом перешли на линзы или сделали лазерную коррекцию зрения. У девочек глаза были точь-в-точь как у матери.

– Да. Она бы предупредила, – ответил Ролф Оттерсен. – Оставила бы записку. С ней что-то случилось.

Несмотря на отчаяние, голос его был тих и мягок. Ролф Оттерсен вынул из кармана брюк носовой платок и поднес к лицу. На бледном худом лице нос казался невероятно огромным. Он по-простому, трубно высморкался.

В дверь просунул голову Скарре:

– Приехали кинологи, привезли пса-трупонюха.

– Начинайте, – приказал Харри. – Со всеми соседями поговорили?

– Угу. По-прежнему ничего.

Скарре закрыл дверь, и тут Харри заметил, что глаза Ролфа Оттерсена за стеклами очков стали еще больше.

– Трупонюха? – прошептал он.

– Это просто выражение такое, – ответил Харри и отметил про себя, что надо бы сделать выволочку Скарре, пусть поработает над формулировками.

– То есть вы эту собаку используете и когда ищете живых людей? – умоляющим голосом спросил несчастный муж.

– Ну конечно, – подтвердил Харри, вместо того чтобы признаться, что пес-трупонюх специально натренирован находить тела убитых; он вряд ли справится с поиском наркотиков, утерянных вещей и людей, которые еще живы. Что он работает только с мертвыми. И точка.

– Итак, последний раз вы видели жену вчера в четыре часа? Так? – спросил Харри, уткнувшись в свои записи. – Перед тем как с дочерьми отправились в город. Что вы там делали?

– Я занимался лавкой, а у девочек был скрипичный урок.

– Лавкой?

– У нас маленькая лавка в районе Майорстуа. Продаем изделия ручной работы: африканские сувениры, предметы искусства, мебель, одежду – все такое. Закупаем непосредственно у изготовителей за хорошую плату. Чаще там работает Сильвия, но в четверг мы открыты допоздна, так что она приезжает сюда на машине, и мы меняемся: я с девочками еду в город, торгую в лавке, а они играют на скрипке с пяти до семи. Потом я их забираю, и мы возвращаемся домой. Обычно к половине восьмого, может быть, немного позже.

– Хм. А кто еще работает в лавке?

– Никто.

– Значит, по четвергам вы закрываете лавку посреди рабочего дня? Примерно на час, так?

Ролф Оттерсен криво усмехнулся:

– Это же крошечный магазинчик. Покупателей у нас совсем немного. Честно говоря, до рождественской распродажи их вообще не бывает.

– А как же тогда...

– Нам помогает НОРАД – норвежская организация по поддержке стран третьего мира. Выплачивает пособие нам и нашим поставщикам. Тут ведь важны не кроны, эре и прочая прибыль, а принцип. Согласны?

Харри кивнул, хотя сам-то он думал не об экономической поддержке африканской торговли сувенирами, а о том, как долго они будут добираться обратно в Осло.

Из кухни, где близнецы сидели за поздней трапезой, доносились звуки радио. Телевизора в доме, кажется, не было.

– Ну что ж, спасибо. – Харри встал и вышел на улицу.

Во дворе приткнулись три автомобиля, среди них «вольво-амазон» Бьёрна Холма, перекрашенный в черный цвет и отлакированный, с раллийными полосками, идущими через всю крышу и багажник. Харри взглянул на чистое звездное небо, бархатным пологом нависшее над двором, потянул носом воздух. Пахло ельником и печным дымом. С лесной опушки до него доносилось поскуливание пса и голоса полицейских. К сараю Харри пошел в обход – так они договорились, чтобы не затоптать следы, которые могут, если повезет, обнаружить. Сквозь открытую дверь доносились голоса. Он присел на корточки и при свете лампы, падавшем из дверного проема, принялся изучать отпечатки ног, оставленные на снегу. Потом встал, прислонился к косяку и достал пачку сигарет.

– Похоже на место убийства, – произнес он. – Кровь, трупы и перевернутая мебель.

Бьёрн Холм и Магнус Скарре притихли, обернулись и уставились туда, куда смотрел Харри. Большое открытое помещение освещалось двумя самодельными лампами, свисавшими с толстой балки. В одном углу сарая стоял токарный станок, а над ним висела доска, на которой расположились различные инструменты: молотки, пассатижи, клещи, сверла. Ни одной электрической штуковины. В другом углу – вольер из сетки, где на насестах сидели куры. Раздавалось стакато кудахтанья. Посреди сарая на голом сером полу, залитом кровью, лежали три обезглавленные тушки. На специальном верстаке, где забивали кур, валялись три головы. Харри зажал в губах сигарету, но зажигать не стал. Он обошел лужу крови, сел на корточки перед верстаком и, прищурившись, стал разглядывать куриные головы. Матовый свет его карманного фонарика отражался в почерневших глазах. Он поднял перышко – белое с черным кантом, как будто оно обгорело, – затем внимательно рассмотрел ровный срез на куриных шеях. Кровь уже свернулась и почернела.

– Нашел что-нибудь интересное? – поинтересовался Бьёрн Холм.

– Мой мозг, Холм, повредился в результате профессиональной деятельности. В настоящий момент он анализирует куриную тушку.

Скарре громко хохотнул и произнес, размахивая рукой, будто писал в воздухе газетный заголовок:

– Жестокое тройное убийство. Погибли три курицы. Под подозрением – члены секты вуду. Харри Холм начал расследование.

– Но самое интересное – это то, чего я тут не нашел, – задумчиво сказал Харри.

Бьёрн Холм поднял бровь, скользнул взглядом по сторонам и медленно кивнул. Скарре непонимающе посмотрел на них:

– Чего?

– Орудия убийства, – ответил Харри.

– Топора, – подхватил Холм. – Единственный разумный способ забить курицу – рубануть топором.

– Ну, поскольку кур забивала дама, – сказал Скарре, фыркнув, – она наверняка положила топор на место. Крестьяне же любят порядок.

– С последним утверждением согласен. – Харри прислушался к куриному кудахтанью, которое, казалось, доносится со всех четырех сторон. – Тем более интересно, почему доска, на которой хозяева рубят кур, слетела с верстака, а тушки валяются на полу. К тому же на месте топора нет.

– Нет на месте? – Скарре посмотрел на Холма и закатил глаза.

– Скарре, пожалуйста, дай себе труд осмотреться по сторонам, – посоветовал Харри, не поднимая глаз.

Скарре продолжал смотреть на Холма, который тайком кивнул в сторону токарного станка и доски с висящими на ней инструментами.

– О, черт! – выругался Скарре.

На пустом месте между молотком и ржавой пилой был виден четкий контур недостающего топорика.

Харри потер подбородок:

– Что ж, сарай мы осмотрели, и пока все выглядит так: по всей вероятности, Сильвия Оттерсен покинула помещение, так и не закончив с курами, причем инструмент прихватила с собой. Холм, сможешь по температуре тушек определить, когда это произошло?

– Угу.

– О чем это вы? – встрял Скарре.

– Мне надо узнать, в котором часу она сорвалась отсюда, – объяснил Харри. – Холм, есть у тебя что-нибудь по следам вокруг дома и сарая?

– Затоптали уж все, – покачал головой криминалист. – Да и темновато мне. Я нашел много следов Ролфа Оттерсена и два-три чьих-то других следа, которые ведут в сарай, но тут и пропадают. Следов, ведущих из сарая, нет. Может, отсюда ее вынесли?

– Хм. Тогда следы того, кто ее нес, были бы глубже. Жаль, конечно, что никто не наступил в кровь.

Харри, прищурившись, посмотрел на темные стены сарая, на которые не падал свет ламп. Со двора донеслось поскуливание пса и яростная ругань полицейского.

– Скарре, сходи узнай, что там у них, – попросил Харри.

Скарре испарился, а Харри снова включил фонарик и направился к стене, протянув руку к некрашеным доскам.

– Это что же... – начал Холм, но осекся, услышав глухой звук, с которым ботинок Харри ударил в стену.

Показался кусок звездного неба.

– Задняя дверь, – ответил Харри на незаконченный вопрос и посмотрел на чернеющий лес и силуэты елей, виднеющиеся на фоне грязно-желтого пятна, в которое слились вдали городские огни.

Он направил луч фонарика вниз и тотчас увидел следы.

– Двое, – сказал Харри.

– Псина чертова, – послышался голос вернувшегося в сарай Скарре. – Не хочет работать.

– Не хочет? – Харри провел лучом фонарика по цепочке следов, но они исчезли там, где лесные деревья сторожили ночную тьму.

– Кинолог сам ничего не понимает. Говорит, пес словно страшно чем-то напуган. В лес заходить отказывается наотрез.

– Может, лису учуял, – предположил Холм. – В здешних лесах их полно.

– Лису? – фыркнул Скарре. – Ты на пса-то погляди. Такая здоровенная псина лисы не испугается.

– Ну, может, он и лисы-то никогда в жизни не видел, – заступился Харри. – Просто учуял дикого зверя. Ведь это нормально – бояться чего-то неизвестного. А кто не боится – склеивает ласты раньше, чем положено. – Харри почувствовал, что сердце забилось сильнее. И он знал отчего. Лес. Тьма. Типичный иррациональный страх. И его нужно преодолевать. – Так, дальше работайте как по обычному месту преступления. А я проверю, куда ведут следы.

– О'кей.

Харри сглотнул слюну и вышел из задней двери сарая. Все это уже было с ним – двадцать пять лет назад. Тогда тело точно так же сопротивлялось его воле.

Во время осенних каникул он приехал к деду в гости, в Ондалснес. Хутор лежал на склоне горы, а над ним возвышалась величественная вершина кряжа Ромсдалсфьеллен. Харри было десять лет. Он пошел в лес поискать дедову корову, которая не вернулась домой. Хотел найти ее первым – до деда, до всех остальных. Так что он торопился: бежал как ненормальный по кочкам и скалам, покрытым мягким черничником, из которого торчали смешные кривенькие карликовые березки. Скалы появлялись и исчезали, он неся мимо них на коровье «му!», раздававшееся где-то за деревьями. Мычание послышалось снова – теперь немного дальше и правее. Харри перепрыгнул через ручей, пролез под деревом, и его резиновые сапоги зачавкали по болоту. Он заметил, что на него движется ливень, и даже увидел стену воды, низвергавшуюся с неба на отвесную скалу.

И все это было так здорово, что он даже не заметил, как наступила темнота, как выросла она из болотной воды, прокралась меж деревьев, растеклась черной тушью по тенистым сторонам скал и собралась по оврагам. Харри было не до того: он смотрел вверх, где кругами летала большая птица, так высоко, что, задрав голову, он краем глаза поймал вершины гор, оставшихся позади. И тут он споткнулся, сапог слетел с ноги, и Харри упал. Упал лицом вниз, не успев сгруппироваться. И тут же сделалось темно, а во рту появился привкус болота, смерти, тлена и тьмы. В те короткие секунды, пока он лежал, он будто *попробовал* тьму на вкус. А когда встал, вдруг увидел, что свет уже погас. Исчез за горами, которые теперь тяжело нависали над ним в молчаливом величии и шептали: «Где ты? Ты не знаешь, где ты теперь». Даже не заметив потерю сапога, Харри вскочил и побежал. Скоро появятся знакомые места... Должны появиться. Но все вокруг было как заколдованное. Скалы превратились в головы великанов, которые поднимались из земли, чиркая пальцами ему по ногам. А карликовые березки стали скрюченными горбунами, указывающими дорогу: «Туда! Нет, сюда». Куда они показывали? Туда, где дом? Или туда, где заблудишься и пропадешь? Дорогу к дедушкиному хутору? Или в Дыру? О Дыре он слышал от взрослых. Это место, где болото было бездонным, где коровы, люди и целые повозки исчезали на веки вечные...

Спустилась ночь, когда Харри наконец вполз в кухню. Бабушка обняла его и сказала, что отец, дед и все взрослые с соседних хуторов вышли на его поиски.

– Где же ты был?

– В лесу.

– Так ты что же, не слышал, как мы тебя звали? Все это время мы кричали: «Харри! Харри!»

Сам он этого не помнил, но ему много раз рассказывали, как он ответил, сидя на дровяном ящике возле печи, дрожа от холода и уставив невидящий взгляд куда-то вбок:

– Я думал, это не наши меня зовут.

– Не наши? А кто же тогда?

– Те, другие. Бабушка, а ты знаешь, что у тьмы есть вкус?

Харри успел лишь на несколько метров углубиться в лес, как глубокая, почти неестественная тишина окружила его. Он опустил фонарик вниз, на склон, по которому шел, потому что луч света, скользя по деревьям, всякий раз превращал их тени в неведомые существа, испуганно скачущие в густой темноте. Правда, отрезав себя от тьмы кругом света, Харри не чувствовал себя в безопасности. Наоборот, он чувствовал себя выставленным напоказ в витрине манекеном: нет сейчас в лесу никого, кто был бы так же на виду. И это делало его совершенно незащищенным, голым. Ветки царапали ему лицо, как будто деревья были слепыми и хотели на ощупь познакомиться с пришедшим чужаком.

Следы вели к ручью, журчание которого заглушало его тяжелое дыхание. Там-то первые следы и пропали, а вот вторые двинулись вдоль ручья к плоской низинке.

Он пошел дальше. Ручей петлял, но Харри не боялся сбиться с пути: если что, он вернется по следам.

Где-то невдалеке раздалось угрожающее уханье совы. На руке загорелся зеленым дисплей часов – он шел около четверти часа. Самое время вернуться и послать в лес людей в более подходящей одежде и обуви, с собакой, которая не боится темноты.

Сердце Харри остановилось.

Что-то мелькнуло прямо перед ним. Беззвучно и так быстро, что он не успел ничего разглядеть. Но воздух пришел в движение и коснулся его лица. Харри услышал далеко в снегу тоненькое попискивание какого-то мелкого грызуна.

Он медленно выпустил воздух из легких. В последний раз провел по лесу лучом фонарика и повернулся: пора возвращаться. Сделал шаг – и остановился. Собирался сделать второй и третий... но сделал то, что должен был, – опять направил луч света в глубь леса. И вот оно, снова. Отражение, отблеск, которому тут неоткуда взяться. Он подошел ближе. Посмотрел назад, пытаясь запомнить место: метрах в пятнадцати от ручья.

Харри присел на корточки и увидел лезвие. Еще не успев смести с него снег, он догадался, что это: топор. Маленький топорик. Кровь от забитой курицы, если и была раньше на лезвии, теперь исчезла. Следов вокруг топора не было. Харри пригляделся и увидел в нескольких метрах срубленную ветку. Видимо, кто-то с большой силой швырнул топор в эту сторону.

В это мгновение Харри вновь посетило пережитое в концертном зале «Спектрум» чувство: показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он инстинктивно зажмурился, и тьма черным ковром набросилась на него. Он затаил дыхание и прислушался. Не надо, подумал он. Не трусь. Зло не материально, его нельзя потрогать. Зло – это не сущность. Наоборот, это отсутствие сущности. Отсутствие добра. Если уж здесь кого и можно бояться, так это тебя самого.

Но неприятное чувство не проходило. Кто-то смотрел на него. Что-то. Иное. Тут в низину у ручья заглянул лунный свет, и Харри увидел *нечто*. Какое-то существо.

И он зажег фонарик и направил луч в низину.

Это была она. Она стояла между деревьев во весь рост и смотрела на него своими большими сонными – точно как на фотографии – глазами. Сначала Харри показалось, что она одета в белое подвенечное платье и стоит посреди леса как перед алтарем. И сияет в луче фонаря.

Харри, дрожа, вздохнул и нащупал в кармане пальто свой мобильный. На другом конце ответил Бьёрн Холм.

– Бросайте все, – еле выговорил Харри. В горле у него пересохло и першило. – Давайте сюда.

– А что?

– Тут снеговик.

– И что?

Харри пояснил.

– Не понял я, что ты последнее сказал, – раздался голос Холма в трубке. – Плохо слышать...

– Голова, – повторил Харри. – Вместо головы у снеговика – голова Сильвии Оттерсен. На другом конце воцарилась тишина.

Харри велел Холму идти по его следам.

Сел на корточки, прислонившись спиной к дереву, застегнул пальто до самого горла, выключил фонарик, чтобы не села батарейка, и принялся ждать. И подумал, что он уже почти забыл, какова тьма на вкус.

Часть вторая

Глава 10

День четвертый. Мел

Когда Харри, полумертвый от усталости, вошел в свою квартиру, на часах было пол-четвертого утра.

Он разделся и отправился напрямик в душ. Там, пока струи обжигающе горячей воды, стекая с головы, массировали одеревенелые мускулы и согревали промерзшее до костей тело, он попытался ни о чем не думать. С Ролфом Оттерсеном он коротко переговорил, а допрос решил отложить на утро. Опрос соседей они успели закончить: в Соллихёгде живет не так много народу. А вот криминалисты и кинологи всю ночь продолжали работу, у них-то как раз время поджимало: следы вот-вот растают или их завалит снегом.

Он выключил душ. Воздух в ванной посерел от пара, а когда Харри протер зеркало, оно тотчас запотело вновь. Лица уже было не разглядеть, контуры тела расплылись.

Зазвонил мобильный, и Харри сжал зубы.

– Холе.

– Стурманн. Спец по грибку.

– Поздновато звоните, – удивленно проговорил Харри.

– Так вы же были на службе. В вечерних новостях сообщили. Дама из Соллихёгды. Вы там промелькнули на втором плане. Я получил результаты анализов.

– Ну и?

– Грибок у вас есть. И чертовски прожорливый. Мультицветный.

– Это что значит?

– Что он может быть разных цветов. Это когда его видно. Короче говоря, мне надо еще отщипнуть от вашей стены.

– Хм. – Харри укорил себя: очевидно, он должен проявить больший интерес к теме грибка, больше беспокоиться или, по крайней мере, задать больше вопросов. Но он не может. Только не сегодня. – Приходите.

Харри положил трубку и прикрыл глаза. Подождал, пока не появится призрак, а это было неизбежно, с тех самых пор как он перестал принимать единственное известное ему лекарство против привидений. Может быть, сегодня вечером ему предстоит новое знакомство. Он ждал, когда она выйдет из леса, переваливаясь всем своим мощным безногим белым телом, – эдакая кегля-переросток с черными глазными провалами, откуда вороны уже выклевали все без остатка, с зубами, обнаженными в вечном оскале, с тех пор как лисица полакомилась ее губами. Ужасно – для сознания, для подсознания, для всего, но – неизбежно. Когда Харри заснул, приснилось ему, что он лежит в ванне, погружившись с головой в воду, и слышит журчание пузырьков и женский смех. А на белой эмали вырастают водоросли, которые тянутся к нему, как зеленые пальцы на белой, ищущей его руке.

Утренний свет треугольником упал на газету, лежащую на столе комиссара полиции Гуннара Хагена, осветив улыбку Сильвии Оттерсен на первой странице и заголовки: «Убита и обезглавлена», «Обезглавлена в лесу» и – самый короткий и в принципе лучший – «Без головы».

А вот у Харри голова болела с самого утра. Он бережно обнял ее ладонями и подумал, что вчера мог бы со спокойной душой надраться: хуже бы не было. Ему хотелось прикрыть глаза, но Хаген смотрел на него в упор. Тут Харри заметил, что рот Хагена открывается и закрывается – он что-то говорил, но до Харри речь начальника доносилась какими-то обрывками.

– В итоге... – сказал Хаген, и Харри понял, что пора напрячься и послушать. – Это дело теперь имеет для нас высший приоритет. А значит, мы, само собой, расширяем вашу следственную группу и...

– Не согласен, – возразил Харри и почувствовал, что даже от одной этой короткой фразы череп будто взорвался. – Мы можем подключать людей по мере надобности, но в настоящий момент я хочу, чтобы при обсуждении расследования нас было четверо, не больше.

У Гуннара Хагена разочарованно вытянулось лицо: в делах об убийстве, даже самых простых, следственная группа обычно состоит как минимум из десяти человек.

– Нам нужна свобода мышления, а этого легче добиться в маленькой группе, – прибавил Харри.

– Мышления? – перебил Хаген. – А как насчет рутинной полицейской работы? Сбор информации, криминалистическая экспертиза, допросы, проверки версий? И как быть с обменом информацией? Единая группа...

Харри выставил вперед руку, останавливая словесный поток:

– Вот-вот, и я про то же. Не хочу барахтаться во всем этом.

– «Барахтаться»? – Хаген уставился на Харри, не веря своим глазам. – В таком случае мне придется передать это дело другому сотруднику. Из тех, что умеют плавать.

Харри потерял виски. Для чего Хаген сотрясает воздух? Ведь ему прекрасно известно: в убийном отделе сейчас не найдется ни одного сотрудника, который смог бы вести это дело. Кроме Харри Холе. А передача этого дела в Главное управление полиции станет таким ударом по престижу только что назначенного комиссара, что он скорее даст отрубить свою изрядно волосатую правую руку, чем пойдет на такое.

– Это обычные следственные группы бьются за то, чтобы почаще сидеть в кабинете с компьютерами, – вздохнул Харри. – При *обычном* расследовании. А группа, на которой висит обезглавленный труп... – Харри покачал головой. – Народ как с цепи сорвался. К нам десятки звонков поступили только после вечерних новостей. Ну, знаешь, все эти гнусавые уроды, знакомые психи плюс парочка только что прозревших, которые рассказывают, что это убийство описано еще в Откровении Иоанна и все такое. На сегодняшний день у нас сотни две таких версий. А что начнется, если появятся еще тру паки!.. На одни звонки придется посадить человек двадцать. С нас начнут требовать отчеты и докладные записки. А в таком случае руководитель расследования должен будет ежедневно тратить не меньше двух часов только на то, чтобы прочитать входящую информацию, еще два – чтобы сопоставить ее с имеющимися данными, и еще два на то, чтобы собрать остальных членов группы, проинформировать их, ответить на вопросы каждого. Плюс полчаса, чтобы решить, с какой информацией идти на пресс-конференцию. Которая продлится еще минут сорок пять. А хуже всего... – Тут Харри сжал пальцами ноющие виски и скорчил гримасу. – При расследовании обычного дела в нашем распоряжении традиционные ресурсы: всегда найдется кто-нибудь, кто что-то видел, слышал или знает. Мы получаем кусочки мозаики, с восторгом складываем и так потихоньку раскрываем дело.

– Именно, – перебил Хаген. – Поэтому...

– Проблема в том, – продолжил Харри, – что нынешнее дело совсем не такое. Не типичное убийство. Этот человек ни дружку ни о чем не рассказал, ни возле места преступления не засветился. Никто ничего не знает, так что телефонные звонки нам не помогут, а только

утопят. Следов там, конечно, много, но он запросто мог продумать это заранее, чтобы нас запутать. Короче говоря, это совсем другая игра.

Хаген откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и теперь внимательно смотрел на Харри. Прищурился, как ящерица на солнце, а потом спросил:

– Так, говоришь, это игра?

Харри медленно кивнул, размышляя о том, что Хаген имеет в виду.

– А что за игра? Шахматы?

– Может быть. Вслепую.

Хаген кивнул:

– Значит, по-твоему, мы имеем дело с классическим маньяком, хладнокровным убийцей с развитым интеллектом и склонностью к игре и ультиматам?

Теперь Харри понял, к чему клонит Хаген.

– Человек, охоте на которого учат на тех курсах ФБР, что ты закончил? Вроде того, что ты поймал тогда в Австралии? Такой человек, который, попросту говоря... – Комиссар почмокал, будто пробовал слова на вкус, и закончил: – Является полной твоей противоположностью?

– Я не так на это смотрю, шеф, – вздохнул Харри.

– Разве? Если ты помнишь, Харри, я преподавал в Академии сухопутных войск. Как ты думаешь, о чем мечтали те недогенералы, что сидели на моих лекциях, пока я им рассказывал о военачальниках, которые личным усилием изменили ход истории? О том, чтобы просидеть всю жизнь в кресле, а потом рассказывать внукам, что они принимали участие в каком-нибудь конфликте? Нет, Харри, на самом деле они мечтают совсем о другом. Речь идет о сильнейшем желании человека быть востребованным. Вот почему американские генералы, взорвись где хлопушка, тут же начинают по всему Пентагону малевать черта. Я думаю, Харри, ты хочешь, чтобы это дело было таким особенным. Так сильно хочешь, что сам видишь черта.

– А снеговик, шеф? Помните, я письмо вам показывал?

– Я помню письмо сумасшедшего, Харри, – вздохнул Хаген.

Харри понял, что пора сдаваться. И у него уже был готов компромисс, на который он мог пойти: сдать Хагену это маленькое сражение. Однако он набылчился и заявил:

– Я хочу оставить группу в прежнем составе.

Лицо Хагена вытянулось и приобрело жесткое выражение.

– Я не могу этого позволить, Харри.

– Не можете?

Хаген выдержал взгляд Харри, но тут что-то произошло. Прорвалось, проскользнуло. Всего на долю секунды – но ее было достаточно.

– Это привлечет столько внимания... – сказал Хаген.

– Какого внимания, шеф? – не теряя невинного выражения, повернул нож в ране Харри.

Хаген смотрел себе на руки.

– А ты как думаешь? Начальство, пресса, политики. Прошло уже три дня, а убийцу все еще не поймали. Кто, по-твоему, должен будет объяснять борзописцам, что мы посадили на это дело только четверых, потому что так лучше для свободы мышления и для... – Хаген запнулся, но потом выплюнул слово, как протухшую креветку: – Шахмат? Ты об этом подумал, Харри?

– Нет, – ответил Харри и скрестил руки на груди. – Я думал о том, как поймать этого типа, а не о том, как объяснять, почему мы его еще не взяли.

Харри знал, что это дешевый прием, но слова сами сорвались с языка. Хаген несколько раз моргнул, открыл было рот и сразу закрыл его. И Харри тут же стало стыдно. Ну почему он

всякий раз затевает эту детскую игру «поставь начальство на место»? Ничего, кроме мелочного удовлетворения, она не дает.

– В Главном управлении полиции Норвегии есть мужик, зовут Эспен Лепсвик, – заторопился Харри. – Он отлично справляется с крупными расследованиями. Могу с ним переговорить, пусть возглавит группу сбора информации. Работать будем параллельно и независимо друг от друга. А вы с шефом Главного управления переложите на нас пресс-конференции. Как вам такой вариант?

Харри не нужно было слышать ответ: он увидел, как в глазах Хагена блеснула благодарность. Очередной кон игры Харри все же выиграл, это было понятно.

Вернувшись к себе в кабинет, Харри первым делом позвонил Бьёрну Холму:

– Хаген согласился: будет по-моему Встречаемся у меня через полчаса. Позвонишь Братт и Скарре?

Он положил трубку. Вспомнил слова Хагена о генералах из Пентагона, которые жаждут настоящей войны, и выдернул ящик стола в тщетных поисках обезболивающего.

– За исключением отпечатков ног, никаких других следов преступника на указанном месте обнаружено не было, – доложил Магнус Скарре. – И что странно, мы не нашли никаких следов тела. А ведь он отрезал женщине голову – одной крови должно было вылиться море разлитое. Но там ничего нет. И собаки никак не отреагировали – вот где загадка!

– Он убил и отрезал ей голову в ручье, – сказала Катрина. – Ее следы исчезли в ручье еще до места убийства. Она бежала по воде, чтобы не оставлять следов на снегу, но он все равно ее настиг.

– Чем же он голову отделял? – спросил Харри.

– Топором или пилой, чем же еще.

– А что за ожоги на шее?

Катрина взглянула на Скарре, и оба пожали плечами.

– О'кей, Холм, проверь это, – приказал Харри. – Давайте дальше.

– Дальше он, возможно, сплавил по ручью тело до дороги, – предположил Скарре. Он спал всего два часа, свитер на нем был надет задом наперед, но ни у кого не хватило смелости ему об этом сказать. – Думаю, потому-то мы там ни хрена не нашли. А должны бы. Брызги крови на стволе дерева, кусок мяса на ветке или клочок одежды. Там, где ручей проходит под дорогой, мы обнаружили его следы: рядом с дорогой в снегу лежало что-то тяжелое, может быть, тело, но, бог знает почему, собаки на это место не обратили никакого внимания. Ни разу не затаивали, трупонюхи хреновы! Это прямо чистая...

– Загадка, – подхватил Харри и потер подбородок. – Однако ведь это страшно неудобно: отрезать голову, стоя в ручье, а? Русло там довольно узкое, не развернешься. Почему же он остановился именно там?

– Ну, это совершенно очевидно, – сказал Скарре. – Вода все смывает.

– Нет, не очевидно, – возразил Харри. – Пока он пристраивал ее голову, он не особенно заботился, чтобы не оставить следов. Но почему после переноски тела не осталось ни одной капли крови на протяжении всего пути до дороги...

– Бодибэг! – вмешалась Катрина. – Я как раз сейчас сидела и думала, как ему удалось оттащить ее на такое большое расстояние. В Ираке солдаты используют такие мешки на лямках – бодибэги – для переноски тел, они надеваются как рюкзаки.

Харри хмыкнул:

– Это объясняет, почему собаки не обратили внимания на дорогу.

– И то, что он спокойно положил на дороге тело, – сказала Катрина.

– Положил? – спросил Скарре.

– Я имею в виду вмятину на снегу, там, на обочине. Он, очевидно, положил ее там, а сам пошел за машиной, которую, скорее всего, припарковал где-то недалеко от хутора Оттерсенов. У него это должно было занять полчаса, так?

– Вроде того, – нехотя пробормотал Скарре.

– Бодибэги черные, если кто-то и проезжал мимо, запросто мог принять его за обычный мешок для мусора.

– Мимо никто не проезжал, – кисло сказал Скарре и подавил зевок. – Мы поговорили с каждым, кто живет в этом чертовом лесу.

Харри кивнул:

– А что мы думаем об истории Ролфа Оттерсена, который якобы между пятью и семью вечера работал в лавке?

– Его алиби ни хрена не подтверждается, потому что ни одного покупателя у него не было, – заметил Скарре.

– И пока близняшки играли на скрипке, он мог успеть съездить туда и обратно, – согласилась Катрина.

– Непохоже: не тот он человек, – вздохнул Скарре, откинулся на спинку стула и кивнул в подтверждение собственным словам.

Харри собирался было сказать несколько общих слов о том, что настоящий полицейский не должен лишать себя возможности заподозрить в любом человеке убийцу, но не захотел прерывать ребят: они только начали высказываться, и мешать было нельзя. Опыт показывает, что лучшие решения как раз и рождаются из нагромождения мыслей, не слишком обоснованных догадок и даже явно неверных выводов.

Дверь открылась.

– Хауди-ху! – пропел Бьёрн Холм. – Я ужасно опоздал, зато знаю, что послужило орудием убийства.

Он снял пальто из «мокрой» кожи и повесил его на вешалку Харри – она премерзко хрустнула. А Бьёрн предстал перед собравшимися в рубашонке, расшитой желтыми нитками, с надписью на спине, которая сообщала всем заинтересованным лицам, что Хэнк Уильямс (на самом деле почивший зимой 1953 года) жив. Холм опустил на единственный свободный стул и посмотрел на коллег; те все это время не спускали с него глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.